

Анастасия Керт
Енодина

**ТАКОГО, КАК
ЛЁНЬКА!**

Анастасия Керт
Такого, как Лёнька!

«Литнет»

2020

Керт А.

Такого, как Лёнька! / А. Керт — «Литнет», 2020

ВЫШЛА В БУМАГЕ! УЖЕ В МАГАЗИНАХ! Вы не поверите! Меня преследует маньяк! Самый настоящий: я его знать не знаю, а он при первой встрече поцеловал меня и заявил, что я его девушка. А ещё он носит вещи моего парня и придумывает нелепые доказательства, что мы якобы любим друг друга, а это уже реально напрягает. Настолько, что я готова выпустить Лёньку, своего старого друга, из френдзоны и начать отношения с ним. Вот только никак не получается забыть пронзительный взгляд моего преследователя... Он точно всё про нас придумал, или я чего-то не знаю?
_____ Дорогие читатели, это **ВТОРАЯ ЧАСТЬ ДИЛОГИИ**, а

© Керт А., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	15
5	18
6	24
7	28
8	30
9	32
10	34
11	38
12	41
13	44
14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

1

Пип-пип-пип...

Монотонный звук электронного градусника назойливо проникал в сознание, и я недовольно поморщилась, прежде чем открыть глаза. Медсестра, делавшая контрольный замер температуры, меланхолично забрала градусник и покинула палату, стуча каблуками. Она ушла и, конечно, даже не подумала разбудить меня и объяснить, что происходит, а я почему-то прикинулась спящей и постеснялась прямо спросить.

Всё казалось таким странным, словно я не до конца проснулась или словно, как это бывало в детстве, засыпала в одном месте, а проснулась в другом. Такого, к слову, со мной не случалось лет с семи, когда я могла уснуть, умаявшись, где угодно, а потом родители перенесли меня в мою комнату, и просыпалась я уже там.

- Фух, Даринка, я думал, ты снова пропала! – раздался над ухом голос Лёньки: такой взволнованный и радостный, что я нахмурилась, не понимая происходящего. – Говорят, уже приходила в себя, и не раз. Не пускали меня к тебе в реанимацию. Истомин, заведующий, злобный дядька: пока в палату не перевёл, не пустил! – он посмотрел на меня пристально и удивился: – Не помнишь, что ли, как в себя приходила?

Я, не открывая глаз, пожала плечами, нехотя приподнимаясь на локтях, но не желая видеть Лёньку с утра пораньше.

Не помню. Вообще ничего не помню! Ну, с того момента, как мы с Лёней решили отправиться прогуляться по какой-то экотропе в области. – Так и думал, что не помнишь! А приходила в себя надолго! Меня, правда, этот злющий Истомин не пустил к тебе ни на минуту! – вновь пожаловался на заведующего мой занудный друг. – Прямо такое ощущение, что ненавидит меня, так зырил! Наверно, осуждает, что я в аварию попал. А потом тебя сюда перевели, в палату, и я сразу пришёл! Но ты уснула. Они все говорили, что это нормально, а я всё равно боялся, что ты... В общем, забей! – Принялся тараторить назойливый Сыроежкин.

Боже, какое неприятное пробуждение! Из всех возможных пробуждений самое худшее – рядом с Лёнькой. И судя по всему, это оно и есть...

Я вздохнула и открыла глаза, шурясь от показавшегося нестерпимо ярким света.

Потолок больничной палаты был белым, простым, но аккуратным – в здании недавно сделали ремонт. Перевела взгляд на Лёньку, который присел на край кровати и заглядывал мне в лицо так восторженно, что я растерялась.

- А ты чего так смотришь? – осведомилась я и постаралась отодвинуться, чтобы он не нарушал моё личное пространство. Но отодвинуться не получилось: тело моё вело себя странно, да и вообще всё было как-то не так.

- Ну что, ты норм? – продолжая пялиться на меня, спросил Лёня.

- Нет, не норм! – ответила я резко. – Не могу я быть норм, когда ты рядом, да ещё расселся на моей кровати! – наглый парень даже не подумал убраться, и потому, вздохнув, я спросила: – Что происходит?

- Ну... – вот тут Сыроежкин смутился. Отвёл взгляд, почесал затылок и даже глупо улыбнулся, желая показаться милым. Зря. Мне он милым не покажется, даже если превратится в котёнка. – В общем, помнишь, мы ехали на машине... На моей... Ну, и я, в общем, не справился в управлении, и... – он замялся, а я неожиданно вспомнила то, о чём он говорил.

Резко сев на кровати, я сердито посмотрела на друга:

- Ты нас убил?!

- Да нет же! – замахал руками он. – Не убил! Так, немножко пострадали мы, но впали в кому. Представляешь? Как в кино! – в его голосе мне слышались глупые восторженные нотки.

- Ты дурак, что ли? – хмуро посмотрела на него я. – Ты порадуйся ещё этому!

- Да ладно, Дарин! – и тут он сделал то, что меня совершенно вывело из себя: взял мою руку в свою и нежно произнёс: - Представляешь: мы попали в аварию, хотя я очень осторожный водитель... И оказались в коме на долгий месяц. Просто так. Без каких-то ужасных травм – просто в коме. И потом так же удивительно мы из неё вышли. Просто раз – и вышли, представляешь? Это же чудо, Дарин! Такое же, как рождение и смерть...

Я сердито вырвала свою руку из его и ответила гневно:

- Смерть – это нифига не чудо, Сыроежкин! И ты нифига не аккуратный водитель, раз угробил нас! И это всё нифига не здорово, а очень-очень хреново! Где мои родители? – внезапно сменила тему я.

Он растерянно хлопал глазами, а я смотрела на него злобно. Мне не нравилось всё, что происходит, тем более, что я предвидела: отныне у Лёни будет новый повод считать, что мы созданы друг для друга. А мне и старых поводов хватало выше крыши!

- Тётя Катя и дядя Серёжа где-то здесь, – пожал плечами Лёня. – Вот прям совсем недавно тут видел их. Придут скоро! Ты заметь: ты окончательно пришла в себя именно сейчас, когда рядом с тобой кто? Я!

- Если бы не ты, мне б и не пришлось в себя приходить! – огрызнулась я, напоминая ему, что это он виновник всего происходящего.

Но Лёнька смотрел на меня так радостно, и глаза его продолжали сиять от счастья, так что дуться на него не получалось, тем более, что, вроде как, всё обошлось.

- Ты осознала, что произошло чудо? – спросил он меня после пятиминутного созерцания.

Вздыхнув, я не стала ему отвечать. То, что произошло, не было чудом, и я не такая сумасшедшая, как Лёнька, чтобы вот так радоваться тому, что мы выжили. Надо было подальше от Сыроежкина держаться, тогда бы ничего этого и не случилось!

Лёнька, помимо прочих своих недостатков, обладал редким умением резко менять своё настроение, особенно, когда оно вдруг начинало совпадать с моим. Вот и сейчас: только я решила не забивать себе голову и тоже просто порадоваться, как сияющие счастьем глаза сделались виноватыми, а улыбка покинула лицо моего друга.

- Ты не думай, я всё понимаю! – заявил он мне с самым серьёзным видом. – Мне когда рассказали, что произошло, я охренел прям! – Он смотрел на меня всё же с восторгом, но одновременно виновато, и это было до того странное сочетание, что я просто хлопала ресницами и пыталась перестроиться и поспеть за переменной настроя. А хитрый Лёнька тут же воспользовался этим замешательством и невзначай коснулся моей руки, садясь на корточки около изголовья. И перешёл на шёпот: - Как хорошо, что с тобой всё в порядке! Я так виноват... Я чуть не убил нас...- он вздохнул, опуская взгляд. - Даринка, ты ж знаешь: я без тебя не могу... Как представлю, что чуть не потерял тебя... - он сглотнул нервно и тяжело, отчего не договорил начатую фразу.

Наверно, я должна была переспросить, но вместо этого я просто примирительно потрепала друга по белобрысой головушке и попросила:

- Лёнь, родителей охота увидеть... Ты можешь пойти поискать их? Или телефон мой... или свой...

Сыроежкин покладисто кивнул, поднимаясь на ноги и бодро заверяя:

- Я сейчас! Мигом прям! Найду и позову к тебе!

Я улыбнулась ему с благодарностью, подумав о том, какой он всё-таки классный. В смысле, классный друг! Ну, и парень тоже неплохой, только занудный уж очень и не в моём вкусе...

Провожая его взглядом, подумала о том, что, может, стоит быть с ним помягче? Ну, дать шанс, так сказать...

Зевнула.

Общение с Лёней отняло у меня неожиданно много сил, и теперь клонило в сон, так что уже через минуту я крепко спала, оставив на потом все мысли и ожидание родителей.

Дорогие мои! Книге очень нужна ваша поддержка! Я планировала старт 24-го, но вышло, что могу стартовать раньше, так что буду рада вашим отзывам и звёздочкам, раз пока не могу поддержать книгу рекламой, которая планировалась на попозже))))

Всем огромное спасибо, что вы со мной!

Обняла)

2

Ух, как же я выпалась! Давно так не получалось отоспаться, как сейчас!

Всё, что происходило, теперь казалось сном. И авария, и то, как ко мне приходил Лёнька, радостный и виноватый... Голова не болела совершенно, но при этом я не могла даже точно определить, снилось мне всё, что было, или нет.

А дальше произошло нечто совсем странное, что заставило меня усомниться в своём душевном здоровье.

Я сидела на кровати и читала книгу, когда в дверь постучали, и на пороге моей палаты появился очаровательный парень в клетчатой рубашке с яркими лазурными клетками, перемежавшимися со светло-бежевыми. Тёмные волосы, щетина, красивые зелёные глаза и показавшиеся знакомыми черты лица.

- Привет... - поздоровался он нерешительно, замешкавшись и не подходя ближе.

Он стоял и смотрел на меня как-то странно. Восторженно и поражённо. Наверно, так смотрят незадачливые охотники за привидениями на приведение, которое уж и не надеялись встретить, но встретили, и оно оказалось прекрасно.

- Привет... - откладывая книгу, я недоверчиво посмотрела на гостя. Не ошибся ли он палатой? Мы точно не знакомы, потому что такого красавца я бы точно запомнила. – Вы... ко мне? – осторожно поинтересовалась я, поскольку его восторженный взгляд начинал меня беспокоить.

В руках у странного гостя был букет, выглядящий довольно необычно: яркое сочетание лазурного и розового цветов, оттеняемое белыми шапками хлопка. Этот букет приковывал к себе взгляд, и я некоторое время тупо смотрела на цветы. Интересное сочетание, красивое... Видимо, с фантазией у парня хорошо... Или у флориста, который этот букет собрал. Потому что лично я вообще не знаю, как можно начать думать, чтобы собрать именно такую композицию. Мне подобных букетов никогда не дарили, предпочитая какие-то более проверенные и традиционные сочетания цветов.

Когда я, наконец, оторвала взгляд от шикарного букета и посмотрела в незнакомое, но красивое лицо, обнаружила на нём растерянность и что-то похожее на испуг.

Перепутал с кем-то, что ли? Я в платной одноместной, так что надеяться, что сейчас парень переведёт взгляд на кого-то другого и извинится, что обознался, не приходилось. Наверно, этим и объясняется его выражение лица: перепутал палаты, зашёл к незнакомой девушке с таким красивым подарком, и теперь не знает, как повежливее смыться.

Стало его жалко. Не люблю попадать в неудобные ситуации и всегда сочувствую, когда попадает кто-то другой, и потому стараюсь помочь легко из них выйти.

Парень потоптался на месте, но потом всё же приблизился, и я мило улыбнулась ему, желая подбодрить и помочь ретироваться, не обидев меня:

- Вы ко мне? – Дала я ему прекрасный шанс, но он почему-то не воспользовался им или настолько затупил, что сделал неверное движение головой. Во всяком случае, в ответ он неуверенно кивнул, и его неуверенность подогрела мои подозрения. – Знаете, наверно, вы ошиблись... - вновь начала я, теперь уже не улыбаясь, а испытывая некое странное волнение от этой неловкой ситуации.

Он снова кивнул и снова сделал это неуверенно, но на этот раз я растерялась от его странного состояния. Незнакомец стоял теперь достаточно близко, чтобы я могла смотреть в его глаза и видеть их неповторимый зелёный цвет. Я точно не видела его раньше, иначе бы непременно запомнила: такие красивые глаза... Да и всё лицо у парня какое-то располагающее к себе, хоть и незнакомое. И его растерянность весьма располагала к себе, делая его застенчивым и милым.

- Я... - начал он, откашлявшись, - я думал, что всё пропало, когда ты исчезла... И очень рад, что всё в порядке и ты просто пришла в себя! – Он выпалил это на одном дыхании, так что мне потребовалось время, чтобы мысленно повторить себе всё, что только что услышала, и попытаться понять, что это может значить.

О чём это он говорит? Может, это он спас нас с Лёней после аварии? Или он врач или медбрат, но просто зашёл сюда в гражданском... Боролся за мою жизнь, думал, что всё пропало, а я просто пришла в себя и меня перевели в палату... И вот он так рад, что не смог не заглянуть... А шикарный букет... Он вовсе не мне, а его девушке, по пути к которой парень заскочил проведать свою пациентку, а теперь не знает, как выкрутиться.

- Эммм... - я присела на кровати, принимая более уместное положение для встречи посетителя. – Спасибо... Да, я пришла в себя и, наверно, в этом ваша заслуга... - решила осторожно проверить версию с медперсоналом и уставилась на гостя вопросительно.

- Я не знаю... - неопределённо качнул головой он.

Ладно. Ок. Тогда проработаем версию про букет девушке, к которой он спешит, или версию с тем, что он всё же обознался.

- Очень красивые цветы, - тепло улыбнулась я, стараясь разрядить обстановку. – Для вашей девушки?

- Да. Для тебя.

Ответ меня оγοрошил.

Что? Он считает меня своей девушкой? Так считал на моей памяти только один тип... Выходит, передо мной... Нет, быть не может! Это Лёнька так изменился? Или теперь я его так вижу? Он ведь, кажется, ушёл искать моих родителей, но так и не вернулся... Или вернулся, только в новом, незнакомом обличье? У меня была травма головы, так что такое возможно... Да, это он... потому что кто ещё стал бы так нагло и самоуверенно считать меня своей девушкой?

- Ты... Лёнька? – спросила я осторожно, опасаясь показаться Сыроежкину сумасшедшей.

Нет, вряд ли это он. Но ведь не может быть второго парня, считающего меня своей девушкой! Такого поворота я не выдержу!

Но парень покачал головой, и я вмиг мысленно согласилась с ним: нет, он не мог быть Лёнькой. Мой друг никогда так не смотрел на меня, и никогда я так не терялась под его взглядом.

Но парень не ответил, лишь начал медленно приближаться, делая осторожные, словно крадущиеся шаги в сторону моей койки.

- Эммм... - протянула я, смущаясь и не зная, как повести себя: позвать на помощь или что-то вроде того. – Вы врач? Лечили меня, да? Или не врач, но это вы вызвали скорую после аварии? – озвучила я единственное оставшееся логичное объяснение.

Он врач, долго безуспешно лечил, и вот настал день его победы – я пришла в себя. Он, наверно, был не на работе, и примчался только сейчас...

Парень подошёл и присел на край кровати, что показалось мне наглостью, и потому я спросила громче и строже:

- Вы кто?! – ответ мне нужен был теперь уже немедленно.

- Я?... – он растерянно моргнул, а потом отвёл взгляд и пожал плечами: - Я просто... - и замолк.

Шикарный ответ! Даже я растерялась и молчала, надеясь на продолжение. Может, до незваного гостя дойдёт, что он предоставил мне крайне мало информации?

Но до него не дошло. Я же сидела, растерянная и злая, но не могла не любоваться этим парнем: бездонными зелёными глазами, идеально прямым носом, линией скул, бровей, подбородка... Он казался мне таким идеальным. Совсем не таким, как Лёнька.

Незнакомец словно был придуман мной, если б я только умела рисовать и придумывать образы. Идеальный... Понять бы ещё, что ему от меня надо.

И тут это стало неожиданно ясно.

Парень, красотой которого я самозабвенно любовалась, подался ко мне. Наверно, реакции у меня ещё были заторможены или я просто так засмотрелась на парня, что не сразу поняла, что его лицо приближается к моему. Более того, я не сразу поняла, что происходит, даже когда горячие губы нерешительно накрыли мои...

Этот робкий поцелуй был скорее жалок, чем прекрасен, и оттого парень сразу растерял всю свою идеальность. Он показался мне таким глупым и неловким, каким даже Лёнька никогда не был.

Мягкие горячие губы неуверенно ласкали мои, и, должна признаться, длилось это дольше, чем должно было, поскольку я оказалась настолько ошарашена подобной дерзостью, что оцепенела. Хотя, слово «дерзость» не очень подходило к ситуации, как и слово «наглость», потому что касания губ были настолько невинными и неловкими, что я даже не могла определить своё отношение к ним: я возмущена или мне попросту омерзительно.

Так и не определившись, я сделала то, что сделала бы в любом случае: замахнулась и со всей своей не восстановленной силы вlepила этому типу пощёчину.

Только после этого поцелуй прекратился. Парень уставился мне в глаза, поразив своей наглостью. Да, теперь уже точно наглостью, потому что после такого поцелуя я вообще не решилась бы на его месте поднять на меня взгляд! А он смотрел. Ещё и с какой-то надеждой... Словно надеялся, что я сейчас брошусь в его объятия.

- Ты охренел, чувак? – прямо спросила я.

- Я... я просто... - ответил он, и я хмыкнула.

- «Я просто!» - передразнила я его. – У тебя имя-то хоть есть? – решила использовать последний шанс: вот он назовёт своё имя, и всё встанет на свои места, и поцелуй объяснится, и вообще сразу всё станет понятно!

- Я Саша. – Представился, наконец, незнакомец, не отрывая от меня взгляда и разрушая мои надежды. И, помолчав, добавил: - Майский.

Хм... Не припомню такого. И что он имел в виду, говоря «майский», осталось для меня тайной. Фамилия? Кличка? Родился в мае? Хотя, пофиг! В любом случае, это было плохо, потому что, видимо, подразумевалось, что имя мне покажется знакомым хотя бы смутно. Но имя его мне ровным счётом ни о чём не говорило, но фамилия показалась бы забавной, будь ситуация немного другой. Сейчас мне уже ничего не казалось красивым и забавным. Глаза у парня теперь виделись мне противно-зелёными, нос отвратительно простым, линия скул и подбородка недостаточно мужественными, а брови и вовсе какими-то лохматыми. Так себе парнишка. И целуется тоже так себе.

Во мне клокотала злость, отвращение и... сомнения. Именно последнее помогало мне держать себя в руках: постоянно казалось, что я чего-то недопонимаю, и это притупляло злость.

Саша тем временем положил цветы на тумбочку, и я кивком поблагодарила его за этот презент. Как-то автоматически. Глупо благодарить за цветы того, кто так нелепо целует незнакомок.

Нам обоим было не комфортно в обществе друг друга, и некоторое время мы молчали, не зная, что говорить.

Зелёные глаза заглядывали мне в душу, словно искали в ней какой-то отклик и никак не находили, и от этого в них появлялась боль и какое-то... отчаянье?

Жалкое зрелище. И всё же я совершенно терялась под этим взглядом и всё ещё ощущала на губах противный поцелуй.

- Вали отсюда, Саша Майский, - процедила я. – А то парня своего позову!

Впервые я пригрозила кому-то Лёнькой. Сыроежкин вряд ли бы решил навалить незваному гостю, и я это прекрасно понимала, так что, угрожая, мысленно добавила: «А то он придёт и до смерти замучает тебя своим занудством!»

- Лёню? – спросил Саша, отчего-то оживившись.

- Да! – с вызовом ответила я, даже не собираясь вдаваться в подробности, откуда он про него знает.

- Ты не считаешь его своим парнем, – уверенно усмехнулся Майский, чем немало удивил меня.

Он начал меняться. Будто что-то осознал и, как навигатор, перестроил маршрут, и теперь стал спокойней и уверенней.

- Не твоё дело! – прошипела я в ответ. – Он – мой парень. Или для тебя в новинку, что у девушек иногда «нет» значит «да»?

Спросив об этом, тут же пожалела, боясь, что он неверно истолкует и попытается ещё раз поцеловать. Но он почему-то не попытался.

- Прости за поцелуй, – тоже, видимо, подумав об этом, с чувством произнёс парень.

- Он был отвратительным, – демонстративно вытерев тыльной стороной ладони губы, прокомментировала я.

- Да... наверно... – не стал отрицать парень, и от этого снова показался мне жалким. Не умеет целоваться, да ещё и признаёт это!

- А, ты на мне типа тренировался? – догадалась я. Это многое бы объяснило. Не оправдало, но объяснило бы точно. Парень хочет научиться целоваться, но тренироваться ему не на ком. И вот, пока лежит в больнице, забегает ко всем подряд в палаты и лезет с нелепыми попытками поцеловать.

- Не тренировался, – пожал плечами парень, не понимая, с чего я сделала такое предположение.

- Тогда что это было? – продолжила допытываться я, пытаюсь хоть что-то понять.

Нет, определённо с моего второго рождения всё как-то странно: и поведение сумасшедшего Лёньки, и вот теперь этот ненормальный...

- Просто... проверял? – ответил он мне почему-то вопросом, словно мне его мотив был виднее.

- Если свою неотразимость, то у меня для тебя плохие новости. – Фыркнула в ответ я. – Когда ты только вошёл, показался мне симпатичным, а после поцелуя кажешься омерзительно противным. Так что, если ты закончил, проваливай и не беси меня!

Он грустно улыбнулся, а потом посмотрел мне в глаза так печально, что я растерялась.

- Прости, я зря пришёл, – признал он, наконец, и я кивнула понимающе: мол, да, парень, ты пришёл зря, и лучший способ всё исправить – это прямо сейчас свалить отсюда.

Саша поднялся с койки и понуро побрёл к двери, так и не попрощавшись со мной. Он вообще больше не произнёс ни слова, но уходил ужасно медленно, будто ждал, что я остановлю его или что в его голову придут какие-то весомые аргументы. Но парень достиг двери, а ничего вышеперечисленного не случилось, и потому он, напоследок обернувшись на меня, вышел в коридор.

Кажется, я слышала голос завождением, который радостно поприветствовал Майского, и вот это уже заинтересовало меня. Надо обязательно порасспросить у врача, кто этот тип.

И только я выдохнула, как парень открыл дверь и вернулся обратно...

3

Никогда бы не подумала, что Лёнька меня спасёт, но это случилось! Да-да, именно Сыроежкин спас меня от преднамеренного убийства, которое непременно бы произошло: я бы точно прибила Майского, когда он вернулся. Вроде прошло всего несколько десятков секунд, а во мне зажглась решимость наказать наглеца, посмевшегося возвратиться.

Но я не успела ничего предпринять, поскольку в мою палату влетел Лёнька. Настоящий, привычный. Такой, каким я его помню. Фух, хоть тут прояснилось, хоть я и сама уже отмела ту глупую версию со зрительными галлюцинациями. Сыроежкин был довольный, как слон – он теперь в таком состоянии постоянно, видимо, пребывал, очень уж впечатлился от нашего возвращения.

Парень промчался мимо Майского, и Саша тактично посторонился и остался стоять скромно в углу палаты, так что его теперь и правда можно было легко не заметить при входе.

- Я твоих родителей позвал! – принялся он говорить, не обратив внимания на моего гостя. – Они сейчас поднимутся, и вы встретитесь! Представляешь? Блин, я даже не знаю, где мне лучше быть в этот момент. Тут? Или свалить? Такой момент, Даринка!

Мой дорогой зануда восторженно предвкушал чудо: мою встречу с родителями. Я и сама была теперь взволнована и обрадована, мне хотелось поскорее увидеть их и обнять. Но всё же в палате всё ещё присутствовал загадочный Саша Майский, и потому я пыталась сохранить трезвость ума.

Мой гость не существовал для Лёньки, а вот я следила за ним краем глаза. Саша, как он назвался, стоял, словно бедный родственник, и мне остро захотелось проявить внимание к нему, а не к назойливому Сыроежкину. Не знаю, кто этот незнакомец, но сейчас, глядя на нас с Лёней, этот загадочный посетитель чувствовал себя неуютно, и я не знала, как это исправить.

Дурацкое чувство. Это так глупо: сопереживать неадеквату, которого минуту назад не знала, как выставить. Но что-то в его взгляде сейчас вызывало во мне желание не злиться, а как-то мирно выпроводить этого типа. Скоро родители придут, и наверняка заметят Майского, в отличии от моего ненаблюдательного Лёньки. Заметят и спросят, кто это. И что я отвечу?

- Даринка, это так круто, что мы снова живы! – продолжал Сыроежкин. - Теперь будем больше ценить время, что проводим вместе!

И он подошёл и нагло обнял меня, и почувствовала я себя отвратительно. Ещё более отвратительно, чем когда он обычно прикасался ко мне. Обычно хотя бы один парень хочет быть со мной, а тут их вроде как аж два за последние десять минут: один целует при первой встрече, другой обнимает. И ведь сейчас нельзя вести себя, как обычно! Не обругать Лёньку, ни оттолкнуть, не вывернуться – Майский не должен заподозрить, что этот белобрысый мне на самом деле не парень!

Пришлось обнять друга и уткнуться носом в его шею, ощущая запах парфюма. Лёнька никогда не жалел средств, чтобы покупать хорошие ароматы.

Зажмурилась якобы от наслаждения, но на деле подсматривала сквозь ресницы, следя за Сашей. Он смутился и отвернулся, а затем оперативно ретировался, шмыгнув в дверь, которая захлопнулась за ним плавно и не привлекла внимания Сыроежкина.

Стоило двери захлопнуться, как я оттолкнула от себя Лёньку, спросив:

- Ты охренел совсем?

- Что не так-то? – отстранившись от меня, недоумевал Лёнька.

Он сохранил это умение и пронёс его через года, до сих пор каждый раз демонстрируя искреннее удивление каждый раз, когда я не падаю в его объятия.

- Парень приходил, если ты не заметил... - начала рассказывать я Лёньке, неуверенная теперь, что Майский существовал в реальности.

- Странный такой, да? – оживился Леонид. - Ещё походу в моей рубашке, собака! Я его спецом игнорил. Нечего психов приваживать. А то сперва ко мне подрулил, теперь к тебе.

М-да... Защита в стиле Сыроежкина - тупо игнорить источник опасности. Супер!

Но не это главное в услышанном!

Выходит, не только у меня столь неприятное впечатление об этом наглеце! Мало того, что он поцеловал меня, так ещё и прибрал к рукам Лёнькину рубашку, которую я, повспоминав, тоже опознала. Сыроежкин купил её где-то по большой скидке, рубашка была дорогая, добротная и береглась для особого случая. И вот теперь наглый Саша Майский расхаживал в ней, как в своей! Совпадение? Не думаю.

Но главным было не это. Ненормальный гость реально существовал, раз общался не только со мной.

- И к тебе приходил? – удивилась я и хотела уже спросить, не поцеловал ли он и Лёньку, но удержалась, да и Сыроежкин сбил с мысли, быстро ответив:

- Да. Приходил. Всё спрашивал: "Ты меня помнишь?". А я его не помню! У меня вообще хреновая память на лица! А он всё не уходил. Долго гипнотизировал... - и Лёня глубоко задумался, вспоминая странную встречу.

- Гипнотизировал? – насторожилась я. Боже, если этот озабоченный ещё и гипнотизировать умеет, то плохи мои дела!

Лёня посмотрел на меня снисходительно и пояснил:

- Ну, в глаза мне смотрел, как будто в душу хотел заглянуть. Всё спрашивал, помню ли я его. А я впервые этого чувака вообще видел! А вот рубашку его – не впервые! Но не сказал ему об этом почему-то, постеснялся...

- И правильно, - похвалила выдержанного друга я. – Рубашек одинаковых полно. Да и тебя он мог с кем-то спутать – вас белобрых качков знаешь сколько!

Лёнька пожал плечами с таким видом, словно его вообще этот Майский не заинтересовал. Я хмуро глядела на друга: меня такой визитёр очень беспокоил.

Я вздохнула разочарованно: надеялась, хоть Лёнька объяснит, что это за зеленоглазый парень и почему он так на меня всё время смотрел. Услышав мой шумный вздох, Сыроежкин живо заинтересовался.

- Вы знакомы с ним? – сразу заподозрил ревнивец.

- Да вроде нет, - пожала плечами я и, заметив, что мой ответ не устроил Лёню, миролюбиво предположила, вновь пожимая плечами: – Но, может, у нас с тобой память отшибло? Такое ж бывает после комы, да? – я с надеждой посмотрела на друга, но он не поддержал меня.

- С твоей памятью всё в порядке, как и с моей, - уверенно заявил Лёнька, даже с какой-то гордостью за себя и свою память. – Может, ты просто мне не хочешь говорить, что это за парень?

Я закатила глаза. Вот вечно Лёнька так! Достал уже!

- Нет, Сыроежкин, тебе я бы с удовольствием про парня рассказала и ещё бы и приврала, чтоб наверняка! – огрызнулась я.

- Знаешь, - продолжил старую песню Лёня. – Может, это знак свыше, что мы с тобой вместе попали в такую ситуацию и вместе выбрались. Стоит задуматься... Мы связаны, мы созданы друг для друга, Даринка! Однажды ты это признаешь!

Я посмотрела на него с сомнением и скептически хмыкнула, но тут же вспомнила про Майского, и нахмурилась, сердито глядя на Сыроежкина и взывая к его совести. Вот пристал со своей любовью! Ко мне тут настоящий псих приходил, а Лёньке и дела нет!

Удивительно, но на этот раз друг верно истолковал мой взгляд.

Лёнька улыбнулся мне ободряюще:

- Ну, пришёл к нам странный тип. Как пришёл, так и ушёл. Мы в больнице – тут всякие шастают. Не бери в голову! Сейчас родаки твои подвалят, и мигом забудешь про этого.... в моей рубашке...

Я вздохнула. Наверно, это последствия комы, поэтому я так нервно отношусь к встрече с Сашей, а Лёнька так убеждён, что на парне была именно его рубашка. Что ж, мы оба пока немного не в себе.

4

Открылась дверь, и в дверном проёме показались мои родители: изящная мама в летнем платье и папа в бриджах и футболке, которую мама уже года три грозит выбросить за изношенность.

- О, привет, мам, пап! – радостно воскликнула я.

Лёнька тут же тактично посторонился, уступая моим родным возможность пообщаться со мной.

Мама сразу бросилась ко мне, принялась обнимать, целовать и щипать нос запахом вальерьянки, которой традиционно лечила нервы.

Всё-таки никто не умеет обнимать так, как это делает мама! Стоило оказаться в кольце родных рук, как я сразу ощутила себя абсолютно счастливой. Наверно, примерно такой же счастливой, каким был сегодня Лёнька. Наверно, его просто тоже с утра успела обнять мама, а вовсе не чуду спасения он так радовался!

Растрогалась на том моменте, когда мама прошептала:

- Как же я люблю тебя, Даринка!

Вроде все меня именно так и называют, даже Лёнька, но приятнее всего слышать своё имя именно от тех, кого сильно любишь.

Из глаз потекли непрошенные слёзы и, когда моей щеки коснулась мамина, я ощутила, что кожа у неё тоже влажная.

Папа подошёл и тоже обнял, меня и маму одновременно, чмокнул в щёку, ещё крепче сжал нас и ненадолго замер, но быстро поняв, что мы сейчас все дружно разрыдаемся, решил поступить в своём привычном стиле.

- Принесу вам кофе, - быстро ретировался папа, который всегда терялся при виде наших слёз и сразу вёл себя неадекватно и намеревался куда-нибудь улизнуть, пока страсти не улягутся.

- И банку бы для цветов, - добавил Лёнька, и я уверена, папа порадовался, что его этим озадачили. И скрылся за дверью.

Я лишь краем уха услышала эти реплики, продолжая радоваться, плакать и глупо улыбаться, слушая, как мама рассказывает о долгих днях пребывания в стенах больницы, о надеждах и страхах, а также о добром заведующем отделением (на этом моменте, правда, Сыроежкин выразительно усмехнулся, явно не считая упомянутого мамой Валентина Васильевича "добрым и чутким профессионалом своего нелёгкого дела").

Мы просидели так довольно долго, а потом мама, отстранившись, но держа меня за руки, спросила:

- Ну как ты? Мы приходили к тебе, Валентин Васильевич пускал - очень понимающий! Ты даже разговаривала с нами... Лёня сказал, ты не помнишь, но врачи предупреждали, что так может быть. Но теперь всё должно быть уже нормально! Так как ты?

- Нормально, - ответила я, но, подумав, решила поделиться единственной новостью, которая у меня имелась: - В целом, вернее, нормально... Потому что было кое-что ненормальное...

- Мама насторожилась и посмотрела мне в глаза взволнованно. А я продолжила: - Ко мне сегодня, вот совсем недавно, перед вами, парнишка приходил. Не могу его вспомнить...

- Потому что ты его не знаешь. Как и я.- Перебил меня Лёня, который, оказывается, задумчиво вертел в руках букет.

- Да, но что, если... - я тоже мельком глянула на букет, что оставил этот парень, а потом мечтательно улыбнулась: вот был бы у меня любимый, который бы вот так встречал меня после комы. Принёс бы цветы, бросился со страстным поцелуем... а не с тем жалким подобием поцелуя, какое подарил мне мерзкий Майский!

- Вообще-то, у тебя есть я. – скромно напомнил Лёня. – А ты лыбишься, словно этот псих с букетом – лучшее, что было в твоей жизни!

Тут Лёня ошибался. Так лыбилась я вовсе не из-за этого. Майский, скорее, был худшим в моей жизни. Худшим поцелуем уж точно!

- Лёня... - Одёрнула его мама, которая относилась к Сыроежкину бесконечно тепло, но отлично знала, что из френдзоны ему пути нет.

Но Лёня не считал, что он не прав. Как обычно. И потому продолжил:

- Вот ко мне Ира приходила, и я не радовался этому, как ты радуешься левому чуваку! Не радовался, потому что у меня есть ты!

Мы уже безразлично реагировали на его убеждённость в том, что я его девушка, так что ни я, ни мама ничего не стали говорить парню, позволяя ему и дальше жить в мире своих нерушимых иллюзий.

- Погоди... - всё же заинтересовалась его словами я. - Ира приходила? Что за Ира? Почему я её не знаю?

На моей памяти никаких Ир в наших с Лёней кругах общения не было. Или у меня реально что-то с головой, и я не помню многих людей?

- Да знаешь ты её, - отмахнулся Лёнька, недовольный тем, что в его пламенной речи я прицепилась совсем не к тем словам, к которым ожидалось. - Это та... ну, Истомина...

- Ира Истомина? – переспросила я. – С параллельной группы, что ли? – Лёнька кивнул. – А... с чего она приходила-то к тебе? Ты не рассказывал!

Надо же! Интересность утаил!

Но сам Лёня это интересностью не считал. Как и визит Сашы Майского.

И тут вступила мама со своей меткой репликой:

- Ты, Лёня, Ире очень нравишься! – и подмигнула мне: мол, отличный шанс сплавить кому-то моего ухажёра.

- Да нет. – Сыроежкин ничуть не смутился и даже не задумался: он бывал непрочно твердолоб и упёрт в своих убеждениях. - Она просто приходила, от лица группы типа...

- Ага, от лица не твоей группы. – Усмехнулась я. - Ты ж у нас знаменитость на весь универ – твоё отсутствие коснулось всех групп, да? А с других никто не приходил? - язвительно поинтересовалась я.

Мой друг надулся, но ответить ничего не успел, потому что в палату вернулся папа, неся в руках стаканчики с горячим кофе.

- Ну как у вас дела? – спросил он бодро и с таким неподдельным интересом, словно за его недолгое отсутствие могло что-то поменяться или произойти.

- Нормально. – Ответила я и тут же поделилась самой сутью пропущенного папой разговора: - Ира Истомина на Лёньку запала, приходила к нему, а он, дурень, не понял даже!

- Ира молодец, - похвалил её папа.

похвала вышла короткой и весьма неопределённой. Похвала с интригой.пришлось спросить:

- Почему Ира молодец?

Папа повёл плечом и отпил кофе: он каким-то образом умел пить горячие, обжигающие напитки, не испытывая при этом дискомфорта. И потому сейчас для него кофе был в приоритете, пока не остыл.

Так что ответила мама, которая тоже говорила о Ире с трогательным теплом:

– Она почти каждый день приходила к Лёне. Сидела подолгу... Её дядя тут заведующий отделением, так что пускал её, да и родители твои были не против. Она тихая: то книги читала, то просто сидела. Редкий день был, когда её нет. Даже мы столько времени тут не провели, сколько она. Потом вроде молодой человек у неё появился. – На этом моменте я наострила уши: нет, нельзя, чтобы Ира соскочила. Пусть будет с Лёнькой, это ведь настоящий подарок для

моей новой жизни после второго рождения! - Провожал, встречал... Но она всё равно приходила. Застенчивая такая – как улучшение началось, она перестала сюда ходить. Мы подумали, что всё, к парню этому ушла...

- Да, Лёнька, не свезло тебе, - похлопала друга по плечу я. – Пока ты дрых, у тебя девушку увели!

- Тебя не увели, - ответил он мне, и мы с мамой засмеялись.

- Ты к Ире присмотришься, - посоветовала мама. – Хорошая девчонка. Однажды на гитаре тут играла – врачи рассказывали. Заслушаешься, говорят. А ты ведь тоже играешь?

Лёня кивнул, а потом подошёл ко мне и сел рядом, чтобы все видели, что он – со мной. И никакая Ира и никакие обстоятельства не помешают этому!

5

Вечером Истомин проходил по коридору, когда я сидела на диванчике и смотрела фильм по смартфону. Мне, наконец, после долгих неудачных попыток, повезло: врач шёл один, причём вид его не казался очень уж строгим, как часто бывало, когда он спешил куда-то с кипой бумаг. Сейчас было идеальное время выловить его и порасспросить про того странного парня, что приходил ко мне и к Лёньке.

- Ой, можно вас на минуту! – подскочила я, когда он проходил мимо.

Истомин остановился и молча кивнул, выражая готовность слушать. Он отличался немногословностью, но всегда говорил по существу, по крайней мере, с пациентами. Однако сейчас у меня был к нему вопрос не как от пациента, и я надеялась, что ответ будет соответствующим.

- Ко мне и к Леониду Сыроежкину заходил парень. Проведать. Но мы его не знаем. Он представился Александром Майским... - я замолкла, ожидая реакции мужчины на это имя.

Тот ненадолго задумался, но быстро понял, о ком я, и кивнул:

- Да. Знаю его.

Ох уж эти краткие ответы! Врачи умеют отвечать так, что возникает только больше вопросов.

Ответ, конечно, мне совершенно ничего не дал, так что пришлось переспросить:

- А кто он? И почему заходил к нам?

Истомин пожал плечами: его не особо заботил этот вопрос.

- Он парень моей племянницы, - ответил он, помолчав. И добавил: - Кажется.

А потом пошёл дальше, убедившись, что я слишком удивлена, чтобы продолжить расспросы.

Что Ира Истомина племянница этого мужчины, я и так поняла, но вот зачем её парень пришёл и поцеловал меня – вот это совершенно не укладывалось у меня в голове. И вообще, какой у Иры может быть парень, если она столько времени сидела возле Лёньки, как говорят мои родители...

Совершенно ничего не понимая, я отправилась в палату, решив поспать. Была у меня слабая надежда, что, когда проснусь, вся эта неразбериха закончится.

Утром, проходя мимо Лёнькиной палаты, услышала гитарные звуки, и сразу безошибочно определила, что это играет Сыроежкин. Вообще, направлялась я на поиски врача, желая обсудить вопрос моего возвращения домой – больничные стены давили невыносимо, хотелось поскорее оказаться в родительской квартире. Но гитара привлекла меня, и потому, отложив все вопросы на потом, я постучала к Лёньке.

Звон струн смолк, и Лёнька что-то там пробурчал, что из-за двери было сложно различить, но я так поняла, что войти можно. И вошла.

Мой друг сидел на кровати, держа инструмент и радостно глядя на меня.

- Прикинь, мне Ира передала! – похвастался он, похлопав по деке.

Я прошла в палату, закрыв за собой дверь, а потом села на стул рядом с койкой.

- И что, даже не зашла к тебе? Просто передала гитару и всё? – поразила я. – Странноватое поведение для девушки, которая сидела возле тебя столько времени. Может, реально парень у неё завёлся?

Да, у меня всё ещё не шёл из головы странный гость, и хотелось, наконец, разобраться с тем, что тогда произошло.

- Может, - пожал плечами Лёнька, задумавшись. – В принципе, она симпатичная. Так что вполне могла кого-то подцепить. А что она тут сидела – это, конечно, сильно. Мои родки

мне тоже говорили про неё, а сама она просто зашла тогда, типа как от группы, я так понял... Надо будет поблагодарить её.

- Поблагодарить и... всё? – осторожно спросила я. Моё желание пристроить Сыроежкина в хорошие руки уже не было таким острым, как прежде, но всё ещё напоминало о себе, хоть у меня теперь голова была забита другими, более важными, проблемами.

- Ну да, - Лёнька прищурился, догадываясь, о чём я. – А что я ещё должен сделать? Жениться на ней теперь?

- Было бы неплохо, конечно, - честно ответила я, на что Сыроежкин серьёзно произнёс:

- Ты же знаешь, я однолюб. Кроме тебя мне никто не нужен.

Это прозвучало так печально для меня. Наверно, Лёня полагал, что подобное признание порадует, но оно реально вгоняло в уныние. Когда такой нудный тип утверждает, что однолюб и ты его избранница, это печаль.

Но мой друг даже не допустил мысли, что огорчил меня тем, что от него мне не избавиться. Он понял мой погрузневший вид по-своему и, отложив гитару, успокоил, накрыв мою руку своей:

- Не переживай за Иру. Уверен, у неё кто-то есть. Или скоро будет. Мы так молоды, что всё впереди! Она молодец, и надо будет сказать ей об этом, но не более.

Я закивала, соглашаясь с парнем и вспоминая Майского. Наверно, он и правда познакомился с Ирой недавно, и теперь она была с ним.

- Мне больше интересно, откуда у неё моя гитара, - натолкнул меня на интересную мысль Лёнька. - Она в квартире оставалась. Которую мы снимаем у Егора...

Мы, кажется, подумали об одном и том же, и Лёня первый озвучил мысль:

- Этот хорёк сдал квартиру, которую мы снимаем! Прознал, что мы, скорее всего, надолго пропали, и сдал! У него на роже написано было, что он быдло и гад. Не надо было у него снимать!

Ох, Лёнька! Дай волю позанудствовать - и будет не остановить.

Следующие несколько минут мне пришлось прослушать причитания на тему, что он говорил, мол, надо было снимать комнату в сталинке у бабушки с пятью кошками. Та бы точно никому по второму разу жильё не сдавала из суеверного ужаса!

Сыроежкин, набухтевшись, позвонил Егору. Тот свою вину полностью признал, сказав, что всё компенсирует и скинет на карту сумму, которую мы насчитаем. Наверняка, соврал, но, может, если не завышать, то и правда оплатит. Не так уж и много у нас там было пожиток, если так подумать...

Но главное - не шмотки! Главное, Егор без проблем назвал имя своего квартиросъёмщика - Александр Сергеевич Майский.

И тут у меня всё сошлось: этот Майский живёт в нашей с Лёней квартире не один, а с Ирой. Егор такого не говорил, но это я и без него поняла. Ведь именно Ира могла определить, что эта квартира принадлежала нам. И поэтому принесла гитару. Иначе зачем бы Саше разыскивать прежних жильцов?

- Фух, - выдохнула я. – Ну хоть понятно, откуда этот Майский взялся! Но это и хреново: теперь я почти уверена, что он маньяк... Он по фотографиям и шмоткам в меня влюбился, а потом узнал обо мне от Иры подробней. Это отлично объясняет, за каким фигом он целоваться полез, хоть и не объясняет, почему Ира у тебя сидела часами... Но всё равно уже хоть что-то!

- Вот и славно! – обрадовался Лёнька, которому вообще не очень нравилось обсуждать всё, что происходило, пока мы были в коме. Он желал жить, словно ничего не произошло, и это могло бы получиться, но, наверно, ему, как и мне, что-то не давало покоя. Словно за то время произошло нечто большее, и теперь есть то, чего мы пока не знаем. – Не грусти, Даринка! Мы хотя бы проспали всего-то пару недель, а не сотни лет. Прикинь, какой бы был облом проснуться через пару сотен лет?

Я в ответ хмыкнула. Да уж, нам ещё повезло! Хотя, не уверена, что про сотню лет применимо к реальной жизни...

Убедившись, что пока у меня больше не осталось вопросов, Сыроежкин вновь взялся за гитару. Он любил мне играть, а мне не нравилось его слушать именно по этой причине. А так играл он неплохо, так что сейчас я даже приготовилась получить удовольствие от звуков гитарных струн. Мы такое пережили! Можно и расслабиться, показав Лёньке, что его игра мне по душе.

Он ударил по струнам, и я уставилась на его пальцы, тут же замечая, что в деке лежит какой-то листочек, чей белый уголок виднелся в отверстии.

- А там что? – заинтересовалась я, тыча пальцем в гитару.

Лёнька сперва не понял и воззрился на меня недоумённо, так что пришлось уточнить:

- Внутри что-то есть? Посмотри, может, деньги? – решила заинтриговать его, чтобы он поскорее посмотрел.

Сыроежкин, будучи высокодуховным созданием, глянул на меня с укором: мол, как я могу говорить о деньгах так, словно они могут его настолько заинтересовать.

Внутри деки действительно таился белый лист бумаги, сложенные вчетверо. Лёня повернул гитару и достал лист осторожно, находя его подозрительным. Это оказалось письмо.

Я сунулась тоже прочесть его, но Лёня спрятал, гордо ответив:

- Это мне, наверно. Возможно, что-то личное. Я хочу сам прочитать... Первый. Потом тебе дам.

Безразлично пожав плечами, я в душе обрадовалась: фух, наконец-то у него нет этой навязчивой идеи, что мы две половинки и не должны скрывать друг от друга ничего. Хотя, он не собирался скрывать содержимое письма, только желал ознакомиться с ним первый.

Признаться, было так любопытно, что я с нетерпением ждала, когда, наконец, узнаю, что там пишут. Пишет, скорее всего, Ира. Или даже сам Майский. В любом случае почитать стоит!

А Сыроежкин читал, как назло медленно. По слогам, небось.

Лицо его отчего-то стало серьёзным, и это ещё больше заинтриговало меня. Да что же там?

Я сгорала от любопытства, поэтому, когда после прочтения Лёня передал бумажку мне, я жадно схватила её, не боясь даже, что он уличит меня в заинтересованности.

- Так долго читаешь, можно помереть от скуки! – пояснила на всякий случай своё нетерпение.

Записок наподобие этой, подброшенной почти тайно, я не читала уже очень давно, класса эдак с пятого. Да и вообще: ну кто пишет письма в наше время! Можно ведь написать на электронную почту или просто смс. Так что реальное, бумажное письмо само по себе являлось неким чудом, и потому я, сперва резко схватив его, потом аккуратно разложила на койке, словно неосторожные движения могли повредить его.

Письмо оказалось написано столь аккуратным ровным почерком, что я сразу же поняла, что оно от Иры. Скромная умная девушка и этот почерк идеально соответствовали друг другу, полюбовавшись письмом в целом, я принялась вчитываться в ровные строчки.

Читая, я погружалась в уныние: Лёнька доверил мне прочесть это послание, а, значит, дела мои и правда плохо: этот парень всерьёз верит, что мы будем вместе...

Текст ранил меня, хотя явно должен был ранить Лёньку.

«Лёня! Я знаю, что всё это прозвучит странно, но надеюсь, что ты поймёшь меня. Я давно уже люблю тебя, но никак не могла решиться подойти, потому что знаю, что у тебя есть Дарина. Вы хорошая пара, и я рада за вас. Но эти дни, которые ты провёл один в палате, я была рядом, потому что не могла упустить такую возможность...»

Я нервно сглотнула. Надо же! Есть кто-то, кому общество даже бессознательного Сыроежкина в радость! И тут же я улыбнулась: просто Ире не доводилось общаться с этим парнем. Уверена, ей бы хватило и пяти минут, чтобы понять, какой он зануда!

В любовь мне не верилось. Лёне, судя по всему, тоже. Он мрачно наблюдал за мной: опасаясь реакции, видимо. Сыроежкин выглядел растерянно: ещё бы, ему не часто признавались в любви!

Мне ужасно захотелось обсудить прочитанное и постараться сплавить Ире моего друга, но меня остановило то, что письмо я дочитала не до конца. И там, в конце, было то, что заинтересовало меня куда больше странной влюблённости Иры Истоминой в нудного непрошибаемого Лёньку.

Я впиалась взглядом в строчки: "Однажды пришёл странный парень. Он вроде бы знал тебя, а вроде и не знал. Его зовут Саша. Он принёс твою гитару – сказал, ты оставил её у него на хранении зачем-то...» Дальше шло скомканное завершение, словно девушка вдруг передумала вообще писать письмо, но в итоге оно всё же было положено в гитару...

Развернув бумажку текстом к Лёньке показала ему пальцем на строчку про Сашу. Вот что меня волнует! А с любовью и потом можно разобраться! От этой эгоистичной мысли на миг стало жаль искреннюю девушку Иру, и я мысленно извинилась перед ней. "Прости, Истомина, мне сперва надо разобраться с маньяком!"

Лёня письмо у меня отобрал и убрал в карман, тоже явно решив, что подумает об этом позже. Тут и правда было, над чем подумать... Это признание в любви совершенно не вязалось с тем, что девушка подцепила себе парня и перестала появляться в больнице... Может, письмо уже и вовсе не актуально, а осталось забытым в гитаре по ошибке?

Потом! С Ирой - потом!

Кажется, Сыроежкин решил так же.

- Как твоего гостя, говоришь, звали? – наигранно поинтересовался Лёня, не дав мне дочитать письмо и делая вид, что плохо запомнил имя нашего странного гостя.

- Саша... Майский... - пробормотала я растерянно. – погоди. То есть, этот странный тип пришёл сюда с твоей гитарой, которая была у нас в квартире...

- Наверно, Егор, сволочь, сдал нашу квартиру вместе с нашими шмотками этому типу! Вот почему на нём была моя рубашка, и вот почему он передал Ире мою гитару!

Что-то начинало сходитьсь и проясняться, но всё же не давало мне ответа на главный вопрос: зачем этот маньяк полез ко мне с поцелуем. Он жил в нашей квартире, мог перебирать наши вещи... мои вещи... нижнее бельё, платья, косметику...

- Лёнь, как думаешь, человек может влюбиться... ну, или не влюбиться, а испытывать влечение к другому только из-за его запаха? – поинтересовалась я.

Друг воззрился на меня, как на ненормальную, но, подумав, ответил:

- Если человек псих, то да. Или если эти запахи – что-то типа феромонов или афродизиаков.

Нет-нет, ничем подобным мои вещи пахнуть не могли... Если только Лёнька ничего не пытался подстроить в попытке завоевать меня.

- Скажи-ка, Лёнька, а ты никаких подобных средств относительно меня не применял? – прищурившись, спросила я.

Сыроежкин отобрал у меня письмо и понюхал его, пытаясь хоть немного понять логику в последовательности моих вопросов. Но бумага ничем не пахла, и тогда парень ответил вопросом на вопрос:

- А что? Я начал тебе резко нравиться?

- И не мечтай! – отмахнулась я. – Хочу понять, мог ли этот Саша, копошась в моих вещах... захотеть меня?

Услышав это, Сыроежкин заржал, что было ему не свойственно, поскольку он почитал интеллигентный негромкий смех. Но сейчас заржал, иначе и не скажешь. Я хмуро наблюдала за ним: мне лично вообще не до смеха! За мной, может, маньяк по пятам следует! Фетишист проклятый, который так долго рылся в моих вещах, что теперь испытывает ко мне нездоровое влечение!

- Ты, Дарин, конечно, привлекательна чертовски, но чтоб так, на расстоянии соблазнять парней – это даже тебе не по силам! – смеясь, потешался надо мной Лёнька.

Я швырнула в него подушкой, и он легко поймал её, продолжая ухохатываться.

- Он поцеловал меня! – призналась, наконец, я, чтобы мой друг понял-таки всю глубину проблемы.

Сработало.

Лёнька заткнулся и уставился на меня во все глаза, глупо хлопая ресницами.

- Да. – Повторила я. – Он меня поцеловал. Парень, которого я впервые видела, припёрся ко мне в палату и поцеловал. Беее... – я передёрнула плечами, вспоминая тот поцелуй. – И единственное объяснение этому: он меня хочет, потому что рылся в моих вещах и нанюхался моего запаха!

Посерьёзневший Сыроежкин снова залился смехом, так что пришлось податься к нему и, схватив подушку, залепить ею ему оплеуху, чтобы пришёл в себя и начал думать.

- Дарин, - отнимая у меня подушку, начал он. – Давай рассуждать логически, - парень постарался перестать смеяться, но вышло у него так себе, и потому он то и дело продолжал подсмеиваться надо мной, но всё же начал рассуждать: - Этот Саша замутил с Ирой, которая до встречи с ним сидела возле меня и ждала моего возвращения. Представь, как этому Саше было очково, когда я пришёл в себя? Ира запросто могла бросить его и пытаться завоевать меня. И тут в себя пришла ты – моя девушка! – я привычно поморщилась от этих слов, но перебивать не стала. – И ты – его спасение, потому что у меня уже есть любовь, я на Иру даже не посмотрю! Вот он тебя на радостях и чмокнул...

- Он не чмокнул. – Сухо перебила я. – Он поцеловал меня в губы. И не похоже было, что он сильно рад. Он, скорее, изучал меня... проверял... Как будто реально раньше только на фотках видел, да по вещам узнавал, а теперь встретил живьём и решил сразу поцеловать – узнать, привлекаю ли я его реально, или это просто фантазии фетишиста.

Пока говорила всё это, несколько раз брезгливо передёргивала плечами, потому что даже думать обо всём этом было противно, а уж невольно вспоминать отвратительный поцелуй – тем более.

Лёнька понял, что я серьёзно, и пересел ко мне рядом, так что мне пришлось подвинуться на самый край койки. Зато друг тепло приобнял меня за плечи и сказал:

- Не бойся. Я разберусь с этим гадом!

Это прозвучало уверенно и круто, так что я впервые подумала о том, что это здорово, когда у тебя есть парень. Хоть Лёня и не мой, конечно, но всё же хоть есть, кому заступиться.

Мы задумались, и я склонила голову Лёньке на плечо.

- Давай по фактам, - проговорил он задумчиво. - Он нашу квартиру снимал, пока мы в коме были. Гитару припёр Ире или мне в палату... Потом сам припёрся и начал выяснять, помним ли мы его...

- Но тупой ведь, да? Вот откуда мы можем его знать, если он снял квартиру уже после того, как мы тут оказались?

- Не обзывайся, - заступился Лёнька за этого маньяка. – Человек мне честно гитару вернул, а мог вообще выбросить. И так-то, прикольно, что он зашёл: поболтали, познакомились... Бы. Если б он нормально всё объяснил. А он правда какой-то припыленный... И за поцелуй ответит!

Мне всегда казалось, что я против насилия, да и Лёньку я знала, как нудного скучного парня, который мог бы навалить многим, но не делал этого из принципа. И вот теперь я впервые видела его готовым найти этого наглеца и призвать к ответу!

Странно, но вдруг подумалось, что Лёнька и правда мог бы быть классным парнем... Надо будет присмотреться к нему, пока он не последовал маминому совету и не присмотрелся к Ире...

6

/САША/

Богдан поморщился на очередной настойчивый звонок в дверь и нехотя поднялся с дивана, на котором с Машей выбирал в ноутбуке фильм для вечернего просмотра.

Звонили уже не первый раз, так что надежды, что незваный гость уйдёт, не оставалось.

- Пойду открою, кому-то очень надо, видимо, - вздохнул Богдан, вставая и направляясь к двери.

Маша тоже вздохнула, провожая парня взглядом, а затем продолжила поиски идеального фильма без него. Найти подходящий было и без того очень сложно, а тут ещё и звонок в дверь помешал!

Девушка устроилась поудобнее, переставив ноутбук себе на колени.

- Саша? – удивлённый голос Богдана, произносящий в коридоре имя Майского, заставил Марию вздрогнуть и, отложив ноут, вскочить с дивана.

Она бесшумно подошла и выглянула в коридор, стараясь остаться незамеченной, и с ужасом увидела, как Саша бесцеремонно скидывает обувь и в носках проходит в комнату под безуспешные попытки Богдана остановить его словами: «Стой! Туда нельзя!» И ведь из всех возможных направлений Майский выбрал именно ту комнату, в которую действительно нельзя!

Маша в панике огляделась, не зная, что делать. Бежать оказалось некуда, а прятаться за диван или за занавеску показалось глупой идеей. В итоге девушка так и осталась стоять на месте, и влетевший в комнату Саша незамедлительно встретился с ней взглядами.

- Привет, Маш! – поздоровался он как-то безразлично, словно и не был удивлён, увидев её здесь.

Замершая напуганная Маша и подоспевший в комнату Богдан растерянно переглянулись и с недоумением уставились на Сашу, который продолжил:

- Извините, если помешал. Маша, можно мне с Богданом поговорить? Наедине.

Девушка не сразу нашлась, что ответить, а потом виновато посмотрела на парня и жалобно сказала:

- Саш, я всё тебе объясню...

- Не надо. – Перебил он и постарался ободряюще улыбнуться, но улыбка вышла кривой, нервной и оттого зловещей. – Некогда сейчас. Выйди в кухню, пожалуйста... или в комнату другую...

Девушка посмотрела на Богдана, который кивнул ей, показывая, что всё нормально и всё под контролем.

- Саш... - хотела она вновь попытаться объясниться с ним, но он жестом остановил, и по его полному отчаянья взгляду Маша поняла, что влипла.

Она тут же ощутила груз вины и прилив жалости. Именно из нежелания вот так разбивать его мечты она была с ним всё это время, и теперь столь бездарно всё раскрылось! Стало даже обидно: так печально она могла разрулить ситуацию уже давным-давно!

- Маш, выйди, а? - попросил Майский снова, и девушка нервно сглотнула, пристально вглядываясь в зелёные кажущиеся безумными глаза.

Маша оглядела парня и, удостоверившись, что при нём нет опасных предметов, быстро юркнула за дверь. Хотела подслушать, но Богдан предвидел это, и попросил:

- Правда, Маш. Поговорить нам надо. Наедине.

Девушка надулась, но ушла в дальнюю комнату и даже включила там музыку на такую громкость, чтобы парни не сомневались - она не услышит их.

Майский перевёл взгляд на Богдана и долго всматривался в его лицо, пытаясь определить, нравится ему замешательство, которое он видит или нет. Ведь Богдан так ничего и не

рассказал! И теперь явно сожалел об этом. Голубые глаза молодого препода отлично отражали чувства.

- Слушай, мы должны были... - начал Богдан, но Саша перебил:

- Это неважно. - Он оглядел Богдана, а потом отвернулся и пошёл к дивану. Сел, мельком глянув в монитор, а потом начал говорить по существу: - Я не за этим пришёл. Мне помощь нужна.

- С чем? - Богдан уселся в кресло напротив и оперся локтями на колени, тем самым приблизившись к собеседнику.

Саша нервно взъерошил волосы, прежде, чем ответить:

- С Дариной и Лёней.

- С призраками? - от удивления переспросил Богдан. - Что-то изменилось?

Саша сперва закивал, и лишь потом, облизнув губы и глядя в сторону, начал говорить:

- Да, изменилось. Они больше не призраки... - Он глянул на Богдана, и увидел, что тот реально напрягся, подумав, видимо, о худшем. Это было приятно видеть: что Богдану реально не всё равно. Майский не стал мучить и пояснил: - Они снова нормальные люди... Это прекрасно... Но... они оба не помнят меня! И даже хуже: Дарина считает Лёньку своим парнем... Может, он признался ей в любви или наговорил чего-то, когда они вышли из комы... Но... - Саша снова нервно сглотнул, произнося неприятную фразу: - Я ей никто, понимаешь? Всё, что было - этого для неё не было... - Богдан прикрыл глаза, шумно выдыхая и не зная, что сказать. - Что, твои фильмы к такому не готовили? - невесело усмехнулся Саша.

Богдан посмотрел ему в глаза и серьёзно ответил:

- Как раз к такому готовили. Так всегда бывает. Решение в фильмах простое - подойти и поцеловать, чтоб сразу всё вспомнила. Но в жизни же так не сделаешь. Это было бы тупо - подойти и поцеловать незнакомую девушку.

Майский посмотрел на него с такой обидой, что Богдан, вздохнув, спросил:

- Что, именно такую хрень ты и сделал?

Саша откинулся спиной на спинку дивана и задрал голову к потолку, потирая ладонями щёки, стараясь отогнать стыд. Отвечать на вопрос не стал: поцелуй не только не хотелось вспоминать, но и отчаянно хотелось забыть, вычеркнув из памяти навсегда.

Тактичный воспитанный Богдан не стал настаивать на ответе, сразу начав искать решение проблемы:

- А девчонка этого Лёни? Которая Ира, кажется... Она-то помнит тебя! Ты говорил с ней?

Саша пожал плечами:

- Девчонка Ира решила, что не станет портить жизнь любимому Лёне. И благополучно свинтила из больницы. Я спрашивал, почему она не расскажет ему, что была с ним всё это время... Но Ира... Она не такая, которая борется за своё счастье, понимаешь? Ей проще отвалить и не мешать...

- Не проблема. Любая нерешительная девушка может поменяться, стоит только хорошо замотивировать. Ей нравился Лёня. Охренеть как нравился, раз она столько времени на него угробила. Есть шанс, что она поможет тебе, если верно подойти к делу. Ну, с Дариной твоей не поможет, но хотя бы не допустит, чтобы она ушла к другому, а там и ты сможешь заново с ней познакомиться.

Саша выпрямился, сложив руки в замок и признался:

- Есть ещё одна проблема.. Вряд ли она захочет со мной знакомиться, потому что...

Он замялся, не желая говорить про злосчастный поцелуй вслух.

- Потому что – что? - потребовал пояснений Богдан.

- При первой встрече после комы я не просто поцеловал её... я был с позором изгнан. Понимаешь?

Примерно об этом Богдан догадывался, но вот понять всё же не мог.

- Не совсем. - Признался он. - Ты поцеловал её, хоть знал, что она не помнит тебя? Зачем?

- Ну, чтобы вспомнила, - пожал плечами Майский. – Поцелуй любви – всегда срабатывает, во всех фильмах и книгах, ты сам говорил... - Аргумент был откровенно слабый, и пришлось сказать уже более искренне: - Не сдержался просто. Да и... думал, она если и не вспомнит, то хоть что-то почувствует...

- Не почувствовала?

- Почувствовала. - Пожал плечами Саша. - Но не то. Омерзение походу она почувствовала. Сильное причём. Я потому к тебе и пришёл...

Богдан прикрыл лицо рукой, поражаясь тому, с каким странным типом ему довелось подружиться.

- Да, пока ситуация не очень... - признался он, поразмыслив. - Но давай начнём с Иры, хорошо?

Майский кивнул, и тогда Богдан поспешно предложил:

- Давай обсудим ситуацию?

- Обсудили ж уже...

- Я про Машу, - Богдан заглянул в глаза Майскому. - Мы должны были рассказать тебе раньше...

- Должны были, - согласился Саша. - Но раньше мне рассказали Дарина и Лёня. Давно уже.

Он встал и направился к двери, но там, за межкомнатной дверью его ждала Маша. Громкая музыка не дала ей подслушать, но теперь девушка стояла у входной двери и не собиралась выпускать бывшего парня из квартиры.

- Надо поговорить! - заявила она ему, делая шаг навстречу.

- Не о чем говорить, Маш, - улыбнулся ей Саша. - Ты его любишь, он - тебя... Да, надо было сказать раньше, волосы б не пришлось в розовый красить... Но теперь-то уж что...

И он попытался обойти Машу, но она не позволила, уперев руки ему в грудь и заглядывая в глаза:

- Тебе нельзя в таком состоянии никуда идти!

- А в каком я состоянии? - усмехнувшись, спросил он, убирая от себя руки девушки.

- Ты... - робко принялась объяснять она. - Ты так расстроен и потерян... и зол...

- Зол? - рассмеялся Саша. - Похоже, что я зол?

Теперь и правда было похоже. Смех показался Маше совершенно неуместным и неадекватным, а оттого пугающим.

- Саш... - умоляюще посмотрела она ему в глаза. - Тебе надо успокоиться... И нам надо поговорить... Ведь мы бы могли остаться друзьями...

- Останемся, Маш, не переживай, - попытался успокоить её Майский, но теперь всё, что он говорил, даже для него самого звучало довольно стрёмно и неадекватно, так что девушку он только больше пугал.

Он даже коснулся её плеча в дружеском жесте, а заодно пытаясь оттеснить Машу от двери.

- Я не отпущу тебя, ясно? - повысила она голос. - То, что я не люблю тебя, как тебе этого хочется, не значит, что ты мне безразличен! Нельзя тебя сейчас отпускать, ты не в себе!

- Я не из-за вас с Богданом не в себе, - решил признаться парень. - Дай пройти.

И он вновь попытался подвинуть девушку, но так просто было от неё не отделаться.

- Ребят, - Богдан опёрся плечом о стену и миролюбиво улыбнулся: - Давайте выпьем. Мы с Машей не рассказали тебе правду, не повторяй наших ошибок. Мы тебе оба добра желаем.

Маша активно закивала, поддерживая и идею выпить, и то, что оба они желают Майскому добра. Саша наклонился к ней, вглядываясь в знакомые глаза. впервые он допустил мысль о

том, что можно рассказать свою странную историю ей, бывшей девушке, столько времени лгавшей ему.

- Странно, что я не ненавижу тебя... - прошептал он задумчиво. - Я бы ненавидел, наверно... Если б не одна девушка... Я расскажу тебе о ней...

- Что? - непонимающе мотнув головой, спросила Маша, и Саша прекратил склоняться над ней, отправляясь на кухню вслед за Богданом:

- Твой парень прав - надо выпить. Иначе ты меня вообще не дослушаешь.

7

За столом на уютной просторной кухне сидели трое. Коньяк с колой был разлит по высоким стаканам, и Саша вглядывался в пузырьки, не зная, с чего начать. Запал прошёл, и теперь вообще идея делиться сокровенным казалась бредовой. Саша резко ощутил себя всеми брошенным и жалким: это ведь и правда выглядит жалко, когда приходится приходить со своими проблемами к бывшей девушке и её парню...

Богдан тактично не помогал начать разговор, но всё же внёс свой вклад: притащил из комнаты конверт с фотографиями. Он и сам чувствовал себя некомфортно, хоть и находился в своей квартире. Ощукая себя предателем, он поймал себя на мысли, что Майский каким-то странным образом стал считаться его другом.

Все молчали. Маша в ожидании рассказа смотрела на Сашу, и под её любопытным взглядом остатки желания поделиться пропадали. Казалось, услышанную историю девушка воспримет в лучшем случае как байку, а в худшем и вовсе не поверит...

Майский опустошил свой бокал, поморщившись от неприятной сладости во рту, а потом не нашёл ничего лучше, чем начать рассказ с того, что придвинул конверт с фотографиями к Маше.

Этот конверт несколько минут назад ему молча передал Богдан. Стоит ли прийти и просто показать их Дарине, Саша пока не решил. Поспешив с поцелуем, теперь стоило более обдуманно делать последующие шаги.

А вот показать фото Маше и посмотреть на её реакцию - это казалось интересным. И хорошим началом разговора.

Саша снова ошибался.

Девушка недоверчиво посмотрела сперва на бывшего парня, потом на Богдана...

- Что это? – спросила она, но ей никто не ответил, и тогда она достала снимки и начала смотреть их.

- Это... - пробормотала она, но по выражению лица было сложно угадать, что именно она хочет сказать.

Майский поджал губы и пояснил:

- Это та девушка. Из-за которой я тебя не ненавижу...

Про ненависть теперь звучало и правда странно. Тот, кто обнимался и радостно смеялся с другой девчонкой просто не имел морального права ненавидеть Машу за ложь! Так считала сама Маша, и, видя, что её мнение, похоже, никто не разделяет, возмутилась, отбрасывая фото на стол:

- Это просто низко, Саша! Я столько времени с тобой, хотела, чтобы всё было по-нормальному как-то, а ты! Неужели так трудно было сказать, что ты любишь другую?

Майский прикрыл глаза: ох уж эти девушки!

- Вот и я не пойму, - усмехнувшись, ответил он. – Неужели это так сложно, Маш? Сказать, что любишь другого?

Он посмотрел на неё испытующе, надеясь, что она проведёт аналогию и прекратит эту глупую ревность. Не только у неё задето самолюбие, и Саша надеялся, что она опомнится и сообразит, что сейчас вообще будет говорить о другом.

Но Машу уже понесло:

- А ты? - возмущённо посмотрела она на Богдана. - Это же ты снимал, ты фото эти делал. Я теперь даже знаю, когда ты их делал! Я к тебе спонтанно приехала, а ты меня тогда ещё в ванную не пустил ни под каким предлогом. Я думала, там у тебя труп или что-то подобное. А там были фотки эти, да?

Богдан кивнул в ответ, не пытаясь оправдаться: сейчас было бесполезно.

- Да какие же вы все! - Маша резко встала и направилась к выходу, и ребята переглянулись, не зная, стоит ли бросаться за ней. Путёвого разговора всё равно уже получиться не могло, да и Маша была так неправа, что возвращать её никому не хотелось. - Вот как не сказать-то? Не показать мне эти фото сразу? Чёртова мужская солидарность превыше любви ко мне, что ли? - доносилось из прихожей. - Майский с тобой даже не знаком, а ты его покрываешь! Хотя знаешь, что мне так нужна была хоть какая-то зацепка, чтобы закончить с ним отношения!

Входная дверь хлопнула и послышался звук закрываемого замка.

Саша и Богдан переглянулись и некоторое время молча смотрели друг на друга.

- Почему ты не сказал ей? - тихо спросил Саша.

- О чём? - отпивая из своего стакана переспросил Богдан.

- Ну, что на фото призрак...

- А это важно? - Усмехнувшись, спросил Богдан. - Для тебя есть разница, призрак она или нет?

Богдан считал, что разницы нет. На фото Саша обнимался и был счастлив с девушкой - и неважно, кто она.

- Есть. - невесело хмыкнул Майский. - Призраком она была влюблена в меня, а сейчас она Лёнькина девушка. А Маша... Ты бы мог показать ей - она бы обрадовалась. Ты ведь этого и хотел. Тебе должно было быть пофиг на меня. Ты же наверняка обрадовался, когда на свадебных фотках увидел меня с Дариной... Так почему не использовал это, как способ расставить все точки над «и»?

Богдан не знал, что на это ответить. Что ощутил тогда одиночество этого человека? Понял, что тот, кто так легко сошёлся с призраком, чертовски одинок и нуждается в помощи, а не в том, чтобы добивать его личную жизнь.

- Ну... это было бы как-то... подло? - сумел найти причину Богдан.

- Да нет, это было бы нормально. Более нормально, чем то, что ты помогаешь мне. И что я прошу тебя о помощи... Чёрт! - он хлопнул ладонью по столу. Ситуация бесила, заставляя мучиться в бессильной злобе.

На скулах Майского заиграли желваки, и он понурил голову.

Богдан, поглядев на него, вздохнул и признался:

- Ты прав. Сперва мне правда было пофиг, и я просто обрадовался, увидев снимки. И первой мыслью было, естественно, показать их Маше и закончить всю эту историю. Но потом, когда мы поговорили, я понял, что эти фото... это слишком личное... и всё так запутанно и сложно, что мои проблемы могут и подождать. Пришлось продолжить развивать идею с новой подругой для тебя, и я нашёл Иру. Потому что я должен был делать что-то, раз от фоток пришлось отказаться. - Он виновато развёл руками, а потом серьёзно заявил: - Я помогу тебе, чем смогу. Пока ситуация сложная, странная... и Дарина может вообще не вспомнить всего, что происходило с ней, пока она была в коме, но... Двое в этом мире знают, что было на самом деле...

Богдан задумчиво пригладил волосы, подумав о том, что всё же надо будет рассказать всё Маше. В такой ситуации союзники не помешают: нужно больше мнений и больше идей...

8

/Даринка/

Погожий денёк пах осенью. Солнце светило уже не так, как летом: вроде бы так же ярко, и даже так же тепло, но всё равно воздух ему было уже не прогреть, и потому пахло сыростью, опавшими листьями и грибами.

Мы с Лёней брели по парку, пиная друг другу круглый камушек, и думали каждый о своём.

Нас выписали, и мы жили теперь каждый со своими родителями. После комы это перестало всех тяготить, но я знала, что рано или поздно всё вернётся на круги своя, захочется жить отдельно, да и квартиры наши построятся.

К Егору мы обращаться не стали. Посчитали, что он может запросить у нас неустойку за расторжение договора или ещё что-то в этом роде. От таких, как он, можно ожидать, чего угодно, и связываться с ним, едва выйдя в нормальную жизнь, совершенно не хотелось. Залога у нас не было, так что единственное, что мы потеряли – наши шмотки, которые особой ценности не представляли теперь, ибо были облапаны Сашей Майским.

Так я думала раньше. А сейчас, когда брела по осенней аллее с Лёнькой в своих новых кроссовках, ощущала острую необходимость вернуть свои отличные коричневые ботинки, оставленные в квартире. Вдруг, они ещё там? И плащ у меня осенний был отличный, почти не ношенный.

Мой бежевый чудесный модного покроя плащ представился тут же в руках Майского. Длинные тонкие пальцы сминали его, показавшийся на первый взгляд красивым нос втягивал воздух, крылья носа трепетали, а зелёные, так впечатлившие и так разочаровавшие меня глаза замуривались... Отвратительно! Просто отвратительно! Я помотала головой. Если мои вещи на помойке, это и то лучше, чем если они остались в квартире! А узнать, остались ли они там, можно только одним способом...

- Лёнь, мы должны попасть в квартиру Егора. Вот прям сегодня. Потому что там обитает теперь этот Саша, и если мои вещи у него... Так противно думать, что он там с ними может делать... - меня снова передёрнуло при воспоминании о противном больничном госте. - Я так не могу больше!

Сыроежкин призадумался и тоже брезгливо поморщился, видимо, представив, как чужие пальцы лапают вещи его девушки, а затем мерзкий Саша обнюхивает шмотки и жмурится, представляя меня. Фу-фу-фу!

- Да не вопрос, Даринка! – легко согласился Лёньчик, мотнув головой, чтобы избавиться от неприятных образов. – Давай сходим. Надо проследить, когда этот урод свалит, и пойдём. Ключи у нас есть, а Егор слишком ушлый, чтоб замки менять.

Это точно: Егор никогда не потратит лишнюю копейку, а уж на смену замков после каждых постояльцев и подавно тратиться не станет.

- Может, попросим твоего дядю прознать, где этот Майский работает или учится? – припомнила я о полезных связях Сыроежкина, которые порой нам пригождались. - Редкая ж вроде фамилия, найти легко будет, если он официально трудоустроен, не?

- Отлично, Даринка! – похвалил за сообразительность Лёня. – Это, правда, немного времени займёт, но зато точно придём спокойно в квартиру и всё заберём.

Да, в этом весь Лёнька. Наверно, не будь его со мной, я бы просто вооружилась газовым баллончиком и битой, а затем отправилась за вещами в удобное мне время. Но Сыроежкин был слишком миролюбив для подобных походов, и потому идея сперва разведать, а потом пойти ему нравилась.

- Только по-любому пойдём сегодня, - предупредила я. – Ещё одной совместной ночи моих шмоток и Майского я не выдержу!

Лёнька понимающе кивнул и принялся набирать номер своего родственника, попутно спрашивая у меня:

- Может, попросить у Иры? Раз она общается с этим Сашей, пусть попросит отдать нам твои вещи. И мои заодно.

- Умный такой! – усмехнулась я. – Фетишисты они оба! Ты, если так вспомнить, Ире до этого вообще не интересен был, пока в кому не попал. Написать в письме что угодно можно, натрындеть - тоже. Но факты! До комы про Иру вообще ничего не было же! Значит, что? Значит, она стала жить с этим парнем и внюхалась в твои шмотки, который он, кстати, и носит! Извратов полно, Лёнь! Никогда не знаешь, что у людей в головах творится! Нарочно не придумаешь. Вон как с нашими шмотками вышло –кому сказать, не поверят!

Лёня посмотрел на меня с сомнением, но, видимо, воспоминание о своей красивой рубашке на незнакомце заставило его кивнуть. Во взгляде Сыроежкина появилась решимость, и уже через секунду он говорил в трубку данные того, о ком нам надо было узнать как можно больше, хоть и не хотелось знать совершенно ничего.

9

- Тихо! – шикнула на Лёньку я. Этот неповоротливый качок только что шумел так, что мне не удавалось прислушаться к звукам за дверью.

Мы стояли на знакомой лестничной клетке, у меня в руках был приготовлен ключ, но пока я не торопилась открывать дверь.

- Ну чего ты медлишь? – суетился Сыроежкин. – Всё чётко: у него сегодня пары до восьми, света в квартире нет.

- Если он не снял наши тёмно-синие занавески блэк-аут, то свет ночника ты никак не увидел бы с улицы, - сомневалась я.

Лёнька вздохнул и покачал головой:

- И потом говоришь, что я зануда! Пошли уже!

Он отобрал у меня ключ и, быстро вставив его в замочную скважину и повернув, отворил дверь. Мы замерли, прислушиваясь.

Тишина.

Выдохнули.

- Пошли! – Шепнул Лёнька.

От торопил не от храбрости, а из желания поскорее закончить со всем этим, и потому вошёл в квартиру первым.

Вот никогда бы не подумала, что придётся так проникать в чей-то дом. Нет, по заброшкам мне, конечно, доводилось лазить, но чтобы в квартиру к сумасшедшему - этого и в страшном сне привидеться не могло. А уж Лёньке - тем более.

Мы закрыли за собой дверь и, не включая свет, стали продвигаться в комнату.

- Чёрт! – прошипел Лёнька, заглянув туда первый. – Он тут. Дрыхнет, прогульщик! Смастываться надо, потом придём!

Я посмотрела на друга с укором и тоже заглянула в комнату. Действительно, на кровати спал ни кто иной, как Майский, и свет тусклого ночника освещал его лицо, показавшееся мне расслабленным, но печальным.

Принюхалась, ощутив слабый запах алкоголя.

- Да забей, Лёнь. Чувак, небось, напился, и теперь спит. И проспит до утра. А если проснётся, скажем, что мы его глюки, - я похлопала неуверенного Сыроежкина по плечу, но парень мой гениальный план не оценил и состроил кислую мину. – Лёнь... Ну второй раз уговаривать тебя прийти сюда будет нереально. Так что давай, собираем манатки и валим!

И я протянула ему большой мешок, оставив себе точно такой же.

Сыроежкин выхватил протянутый мешок резко, зыркнул на меня сердито, но направился к моему комоду. К моему! Вот за что я обожала этого парня! Он первым делом хотел собрать мои вещи, а не свои.

Оглядев комнату, поняла, что изменилось в ней мало, что. Только вместо привычного для Лёньки порядка здесь теперь царил бардак, на что мой друг сразу обратил внимание:

- Всю хату загадил этот твой фетишист!

Я хмыкнула и перевела взгляд на «моего фетишиста», который мирно спал, ни о чём не подозревая. Сама не знаю зачем, но я сделала шаг в его сторону, затем ещё один...

- Даринка! - шикнул на меня Сыроежкин. - С ума сошла! Выгребаем свой шмот из комода, и валим отсюда!

Но я не послушалась и медленно приблизилась к спящему парню.

Сейчас он казался мне совершенно не опасным, а милым и безобидным. Я подошла и присела на корточки около изголовья, рассматривая лицо Саша Майского. С момента нашего

неудачного поцелуя у парня появилась щетина. Готовился он, что ли, ко встрече со мной, потому и побрился?

- Ммммм... - протянула я, желая подразнить Лёньку. - А он симпатичный... Жаль, целуется отвратительно и шмотки твои носит...

- Даринка, блин! - прошипел Лёня. - Ты ненормальная! Чеканутая на всю голову! - И он принялся торопливо открывать ящики моего комода и выгребать оттуда вещи, скидывая их в сумку. - Тут твоего барахла полно! Так что, если не хочешь, чтобы этот извращенец их лапал, помоги мне!

Сейчас спящий парень совсем не тянул на извращенца. И я не соврала, когда сказала Лёньке, что Сашка симпатичный. Только теперь ко всем его недостаткам прибавлялось ещё и пьянство, хотя в комнате никаких бутылок не наблюдалось. Наверно, пил на кухне или вообще не дома...

Нерешительно протянула руку к его лицу. Отчего-то захотелось коснуться кожи этого парня, волос, щетины... Разглядывая его, я заметила одну особенность, о которой тут же поведала Лёне:

- Смотри, у него щетинки на бороде разного цвета! Прикольно?

Я говорила шёпотом, но Сыроежкин всё равно одарил меня гневным взглядом и прошипел:

- Плевать на его бороду, Даринка!

Ревнует. Странно, но мне его ревность никогда не приносила радости, да и сейчас я словно делала всё это не для того, чтобы подразнить друга, а для чего-то другого.

Не удержавшись, я всё же осторожно дотронулась подушечками пальцев до подбородка Майского... Но, едва колючая щетина кольнула мою кожу, я отдёрнула руку, внезапно осознав, что творю глупость. Он же может проснуться! Не лупить же его битой в самом деле... А то какое-то прям вооружённое ограбление с проникновением в жилище получится.

Я шумно выдохнула, только сейчас заметив, что касалась парня, затаив дыхание. Ещё раз всмотрелась в его лицо. Глаза закрыты, но я отлично помню их глубокий зелёный цвет и растерянное выражение...

Помотала головой, напоминая себе, кто передо мной. Иркин парень, который запал на меня, пожив в этой квартире. И который отвратительно целуется и носит Лёнькину рубашку.

Я поднялась на ноги и, убедившись, что парень по-прежнему спит, прошла по комнате. Да уж, Лёня бы такого бардака не потерпел...

- Я пока схожу на кухню, там моя любимая кружка осталась, - предупредила я друга и пошла за кружкой. Не хотелось бы, чтобы противные на ощупь и вкус губы Майского касались её, когда он будет пить из неё, допустим, коньяк. Просто пить в нашей квартире было в принципе не из чего, кроме как из моей или Лёниной кружки. И мне казалось, из этих двух вариантов Саша обязательно выберет, как назло, мою.

На кухне следов попойки не обнаружилось. Я даже заглянула в шкафчик под раковиной, где таилось мусорное ведро, но и там было всё прилично, хоть его и не выносили явно несколько дней.

Кружка моя, как я и предполагала, обнаружилась на столе. То есть, Майский её использовал. Придётся полдня отмывать, ну да ладно.

Лёнька как раз закончил с моими вещами и вышел в коридор. Поставил мешок у входной двери и двинулся в ванную, сказав мне:

- Надеюсь, мои запасы дорогого шампуня он никуда не дел...

Вот ведь зануда! Хотя, сейчас я его прекрасно понимала: надо забрать отсюда максимум своего.

Лёня скрылся в ванной, а я только стала искать глазами, что бы ещё забрать, как случилось непредвиденное...

10

Из комнаты выскочил Майский. В одних боксерах и с ключом от двери в ванную в руке.

Чёртов Егор вечно экономил и потому замок поставил такой ненормальный! Вернее, поставил самый обычный замок с ключом на дверь в ванную комнату! Мне это всегда не нравилось, и вот сейчас оказалось, что не зря! Как предчувствовала, что замок этот мне ещё пакость преподнесёт! И вот он преподнёс...

Я не успела ничего крикнуть, как полуобнажённый парень ловко подскочил к двери и запер Лёньку, который даже не понял, что произошло, потому что ключ в замке повернулся беззвучно.

Я нервно сглотнула, но схватила первое, что попало под руку и походило на оружие – большой кухонный нож.

Полуголый парень, питающий ко мне странный интерес, пугал и преграждал собой выход, блокировав меня в кухне.

Он отбросил ключ в прихожую и стал медленно надвигаться на меня.

Кто говорил, что у него глаза красивые? Я? Так вот: беру свои слова обратно! Они разочаровали меня вновь! Глаза у него некрасивые, и тело у него, хоть и идеальное, но тоже отвратительное... А вот нож в моей руке – прекрасен!

Я подняла его повыше, чтобы парень увидел.

-Тихо, - он приложил к губам палец и продолжил медленно приближаться, неотвратимо надвигаясь на меня и испепеляя взглядом. – Дарин, положи нож, хорошо?

- Быстро выпусти Лёньку! - потребовала я тоже отчего-то тихо, словно послушалась этого наглеца и играла теперь по его правилам.

- Нет, пока не выпущу твоего Лёньку, - ответил мне парень, и я внезапно осознала, насколько всё плохо.

Я, неумеющая обращаться с оружием, угрожаю подвыпившему маньяку кухонным ножом, а он надвигается на меня, смущая почти полностью обнажённым телом, и при этом бежать мне некуда... Да и если б было куда, Лёньку-то не бросить!

В этой патовой ситуации я решила действовать на опережение и приняла странное решение...

Покрепче зажав в руке нож и заорав во всю глотку, я бросилась на Майского, целясь ножом в его правое плечо. Убить не хотелось, но нужно было как-то защититься и добраться до прихожей, где лежал ключ. Выпустить Лёньку – и тогда всё будет супер, вдвоём мы справимся с этим типом!

Мой план провалился с треском.

Майский ловко выбил у меня из рук нож, и тот со звоном стукнулся о плитку на полу. Я продолжила орать, начав звать на помощь в надежде, что в этом доме есть сознательные соседи, которые хотя бы позвонят в квартиру узнать, что происходит.

И тут Майский вновь проявил свою ловкость: он как-то внезапно схватил меня и развернул спиной к себе и не собирался выпускать из захвата, обвив рукой талию.

Рука у него оказалась сильной и какой-то уверенной, и оттого в первый миг я подумала о том, что это очень нетактично - так хватать девушку.

- Отпусти меня! - завопила я, но парень лишь сильнее прижал меня к себе и зажал рукой рот, шепча на ухо:

- Не ори ты так... Все соседи сбегутся. Не будешь орать?

Я закивала головой, хоть, вообще-то, как раз хотела, чтобы все соседи сбежались. Рука Майского с моего рта переместилась на талию, присоединившись ко второй.

- Отпущу я тебя. И друга твоего отпущу... - пообещал он шёпотом, который неприятно обжигал моё ухо.

- Парня, - поправила я, чтобы сразу обозначить, кто есть кто.

- Не важно. - Отмахнулся Саша. - Отпущу вас, если пообещаешь мне кое-что... - Наверно, он ждал, что я переспрошу, но я молчала, не желая подыгрывать этому маньяку. - Пообещаешь выполнить одну мою просьбу... - Снова недолгое молчание, за время которого я услышала, как Лёнька безуспешно пытается выбить дверь. - Поехать со мной кое-куда...

Глухие удары Лёнькиного плеча по ту сторону двери красноречиво говорили, что просто так её не выбить, так что мой друг не выберется, пока я не открою дверь ключом.

- Ты псих? - спросила я, хоть прекрасно знала ответ: да, он псих. - Никуда я с тобой не поеду! Мало ли, что ты со мной сделаешь!

Надо заметить, что руки, что обхватывали меня, ничего лишнего себе не позволяли. И потому можно было попробовать поверить тому, что я услышала в ответ:

- Пальцем не трону, обещаю.

Он снова прошептал слова мне в ухо, и я поморщилась от брезгливости. От неё же и замерла. Стояла в плотном кольце рук, прижимаясь к обнажённому торсу и не в силах попытаться вырваться.

Но парень сам отпустил меня, одновременно оттолкнув ногой нож в сторону недостижимой для меня прихожей. Железное лезвие прозвенело, скользя по плиткам и финально звякнуло, встретившись с ключами.

Я отступила на кухню, разглядывая Сашу. Он больше не приближался и смотрел на меня как-то странно, а потом неожиданно улыбнулся:

- Брось, Дарин! Ты пялишься на меня, разглядываешь... Пришла за шмотками, но стала касаться моего лица. Уверена, что я тебе противен настолько, что нельзя пообещать сходить со мной в одно место?

Так он не спал, а просто прикидывался! Лежал, подслушивал и выжидал момент, чтобы разделить нас с Лёней и поговорить лично со мной! Вот жучара!

Лёнька всё ломился в дверь и, покосившись на неё, я напомнила себе, что с Майским придётся договориться. Иначе может быть хуже, ведь я сейчас беззащитна перед ним, хоть на кухне ещё оставался запас ножей.

- Оно людное, это место? - поинтересовалась подробностями. - В черте города? Приличное?

Майский кивнул:

- Да, людное. И да, в черте города. И, естественно, оно приличное. Ничего плохого не случится, поверь мне.

- Ладно, - нехотя согласилась я. - Но поедем туда днём!

- Как скажешь, - легко принял моё условие Саша.

Мы замолкли, глядя друг на друга. Я лично ждала, когда он выпустит Лёньку, а вот чего ждал Майский оставалось загадкой.

- Ну, открывай дверь, - не выдержав, поторопила я.

- Ты не пообещала, - улыбнулся Саша. - Пообещай, и я открою.

Закатила глаза, подумав, что этот тип такой же занудный, как Лёнька.

- Обещаю сходить с тобой, куда скажешь. Но днём и в людное приличное место в черте города. Так нормально?

- Так отлично, - кивнул Майский и отправился в прихожую за ключом.

Наблюдая за ним, я задумалась о том, как удачно он поворачивается ко мне спиной. Можно было бы метнуть в него чем-то тяжёлым и сбежать... Но смысл? Я уже дала обещание, а парень уже готов отпустить нас с Лёней...

Я посмотрела на собранный Сыроежкиным мешок и, не выдержав, спросила у Саши:

- Ты вещи мои трогал? Только честно.

Он как раз вернулся с ключом и уже вставил его в замочную скважину, но, прежде, чем повернуть, уставился на меня, вынуждая смотреть прямо в зелёные вновь показавшиеся красивыми глаза.

- А что, должен был трогать? Или должен был не трогать?

- Ты нормально ответить можешь? - возмутилась я, смело шагая к нему и заглядывая в глаза с такого близкого расстояния, что, если б не моё состояние, я сочла бы это неприличным.

- Ну трогал, и что? - ответил Саша, с интересом глядя на меня и при этом нервно сглатывая, словно моя неожиданная смелость и близость тяготила его.

- И что ты с ними делал? - осторожно уточнила я, желая определить: тащить мне мои вещи домой или лучше сжечь их в костре, чтоб только пепел остался.

- А что я, по-твоему, мог бы с ними делать? - насмешливо спросил Саша. - Не носил, если ты об этом. Стиль не мой.

- А Лёнькин, значит - твой? - решила поддеть я, но Майский лишь покачал головой и повернул, наконец, ключ, выпуская Лёньку.

- Убью, урод! - это было первое, что воскликнул мой друг, обретя свободу.

Он с такой прытью набросился на Сашу, что тот не успел никак среагировать, и потому был отброшен на пол сильным ударом в челюсть.

Лёнька, вообще, борьбой занимался с детства, но в драки никогда не вступал, так что в деле мне его видеть не доводилось. И вот сейчас на моих глазах происходило чудо: мой незадачливый друг вступил в бой!

Майский, видимо, расслабился от разговора со мной, и потому никак не ожидал, что, открывая дверь, выпустит не просто бесплатное приложение ко мне, а всерьёз разъярённого Сыроежкина.

Лёнька оказался крут! Не дав противнику подняться, ударил с ноги, а потом, присев рядом, уложил лицом в пол и заломил руку за спину.

- Тебе чего от моей девушки надо, извращенец? - спросил Сыроежкин так грозно, что я даже восхитилась.

- Она не твоя девушка, - промычал в ответ Саша, а потом как-то резко вывернулся, высвободился и, врезав Лёньке в печень, отскочил в сторону, мигом поднимаясь на ноги, но морщась от боли и чуть сгибаясь. Саша дышал часто, но был готов к продолжению, а вот у Лёньки пыл пропал, и теперь он трезвее смотрел на ситуацию. Противник ему достался хороший, явно имеющий в драках опыт.

Я молча стояла на пороге кухни, не зная, что делать. Майский ничего плохого мне не сделал, но и принимать его сторону я не собиралась.

Саша сам разрулил ситуацию, пнув мешок и отправившись в комнату, перед этим, правда, окинув нас каким-то обиженным взглядом:

- Забирайте шмотки и валите из моего дома.

Мы переглянулись, и я шепнула Лёне:

- Он мне ничего не сделал. Правда.

- Чувак в труселях, который при первой встрече поцеловал тебя, ничего не сделал? - удивился Сыроежкин, только сейчас удосужившись оглядеть меня и признать, что я цела и невредима.

Я вздохнула. А что ответить? Сама ничего не понимаю!

- Пошли отсюда, - кивнула я на входную дверь, и Лёнька не стал спорить. Всё-таки героизм и драки - это не его, так что парень был рад поскорее покинуть квартиру.

Уже закрывая дверь, я услышала голос Саши:

- И ключи в почтовый ящик киньте.

Я фыркнула. Ключи кинем. Зачем они нам? И так уже пожалела, что мы ими воспользовались..

11

/САША/

Богдан и Маша сами заявили к нему домой, чем немало удивили. Майскому казалось, Маша будет дуться на своего парня вечно. Ну, по крайней мере, та Маша, которую он знал, точно бы так просто не простила подобного предательства.

- Кружка у меня теперь только одна, - наливая Маше чай, виновато произнёс Майский. На кухне витал аромат чайного сбора, но нормально посидеть и попить чай не получалось - чашка реально осталась теперь только одна. - Могу банку предложить. Из-под варенья...

- У тебя ж две было кружки... - припомнила Маша. - С розовыми тюльпанами одна, точно помню. Разбил, что ли?

- Типа того, - не стал вдаваться в подробности Майский. - Так что, из банки будешь пить? - сменил тему он, переведя взгляд на Машиного парня.

Богдан кивнул, и Майский, пошарив по полкам, достал банку и, сполоснув её, заварил чай для гостя. Поставив пакеты с печеньем в качестве угощения, Саша тоже сел за стол.

- Ну ты как? - осторожно начала Маша, выбравшая место рядом с ним и напротив Богдана.

- Нормально, - пожал плечами Майский.

Девушка протянула руку, накрывая ей пальцы Майского и заглядывая ему в лицо:

- Саш, ты прости меня... - начала девушка нерешительно. - Богдан мне рассказал всё... И теперь мне так стыдно, - она покачала головой и вздохнула, повторив: - Прости меня!... Знаешь, я хочу помочь! И... звучит безумно, но... Но мне кажется, ты мог рассказать мне сразу - я бы поверила и поняла...

- Извини, - без тени вины в голосе ответил Саша. - Тогда я не знал Машу, которой мог бы рассказать и рассчитывать на понимание.

Он выразительно посмотрел на её волосы, которые теперь имели естественный светло-русый цвет, и от него менялся весь образ. Парню и правда казалось, что он познакомился с ней заново, и такая Маша могла бы быть прекрасным другом в отличии от той, с которой он пытался встречаться.

- Знаешь, - продолжила она. - Я сразу не поняла, что это фото со свадьбы. А ведь я тогда смотрела на тебя, когда Богдан снимал, и точно знаю, что ты был один...

- Я был не один. - Хмыкнул Саша, вспоминая тот странный день, когда он познакомился с неадекватными призраками. - Дарина хоть и призраком была, но... - Он хотел сказать что-то душевное, но не получилось, потому что случайно взглянул на пьющего чай из банки Богдана. Бирка от чайного пакетика эпично свисала, и оттого смотрелось забавно настолько, что Саша не сдержал улыбку, потеряв мысль про Дарину.

- Мы вернём её тебе! - Уверенно заявила Маша. - Не вздумай сдаваться, понял!

Саша глянул на бывшую девушку и вздохнул. Не сдаваться было с каждым днём всё труднее...

- Кстати, как продвигаются дела? - поинтересовался Богдан, продолжая попивать чай из импровизированной кружки. Саша старался не смотреть на него больше.

- Хреново дела продвигаются. - Честно признался он, и после недолгого молчания решил всё же прояснить ситуацию, поскольку, очевидно, ребята и представить себе не могли, насколько всё хреново. - Она с Лёней пробралась ко мне в квартиру, и я... напал на неё...

- Напал? - хором переспросили Маша и Богдан, а потом уже девушка одна добавила вопрос: - В смысле?

Саша пожал плечами, не зная, как можно объяснить. Разве что показать.

Он поднялся с места.

- В смысле вот так сделал, - и он мигом оказался за Машей, а потом схватил её, почти как тогда Дарину: зажал одной рукой рот, а второй обхватил за талию. Вышло не очень ловко, поскольку Маша сидела на стуле, да и всё равно пришлось сразу отпустить, чтобы не нервировать Богдана, да и саму девушку.

- А Лёня что? - поинтересовалась Маша, недоумённо глядя на садящегося обратно на место Сашу.

- Ничего. - Ответил Майский. - Я его в ванной запер сперва... Ну, правда, потом пришлось его выпустить, и он попытался мне навалить, но это не так-то просто сделать. Хотя было неожиданно.

Рассказав это, Майский ощутил себя неуютно, и, чтобы скрыть это, встал и прошёлся до холодильника, откуда выудил бутылку с недопитой минералкой. Сделал пару глотков, вернул бутылку на место и вернулся к ребятам, которые сидели ошарашенные и не знали, что сказать.

- Мда... - пробормотал Богдан. - Всё будет сложнее, чем мы думали...

Майский устало вздохнул: он и сам понимал, что теперь всё усложнилось, но всё же надежда была, ведь встретив его спящим, Дарина сделала ровно тоже самое, что и тогда, когда была призраком... Любовалась им и касалась его лица... Шанс точно был! Но Майский не стал говорить об этом ребятам: пусть думают, что ситуация хуже, чем есть на самом деле. Так от них будет больше пользы!

Маша с сочувствием посмотрела на незадачливого парня, а потом осторожно попросила:

- Саш, а ты можешь вот такие странные подкаты больше не практиковать? Просто представь себя на её месте... Я вот представила - и прекрасно понимаю, почему она так на тебя реагирует. Будь осторожнее... А то при первой встрече ты её поцеловал, при второй чуть в заложники не взял... Что дальше будешь делать? Попробуешь изнасиловать? - предположила она, но Саша посмотрел на неё так, что она поспешно извинилась: - Прости... Но представь: к тебе подходит незнакомка и целует, а потом пытается навязаться и заявить на тебя права. Такое никому не понравится! Ты представь! - настаивала она, чтобы Майский применил своё воображение. - Сейчас ты ей кажешься реально каким-то неадекватом стрёмным, а ведь ты не такой!

- А, может, я как раз такой? - предположил он, посмотрев ей в глаза. - Я в детдоме вырос, Маш. Может, я просто притворялся с тобой изо всех сил, а на самом деле я именно такой и не умею по-другому!

- Брось, - она придвинулась к нему вместе со стулом и по-дружески приобняла Сашу за плечи. - Просто у тебя крышу рвёт от того, что ты не с Дариной...

- Наверно... - Не стал спорить он и обратился к пьющему из банки: - Богдан, мне помощь твоя нужна. Я отпустил их под обещание Дарины со мной кое-куда съездить...

- Боже, - закатила глаза Маша и прикрыла глаза рукой, поражаясь новым подробностям общения Майского с любимой девушкой. - И куда же ты её собрался увезти? Не похитить, я надеюсь?

Она спросила об этом настолько серьёзно, что Саша начал бояться сам себя. Вернее, того себя, каким кажется сейчас Маше и каким наверняка показался Дарине. Он даже начал понимать её... Наверно, со стороны его поведение и правда пугало, ведь Дарина не помнила ничего из того, что было так важно! Их отношения должны быть построены заново, с нуля, и все те черты характера Дарины и Лёньки, которые в прошлый раз способствовали развитию отношений, сейчас играли против Майского. Упёртые, с богатым воображением друзья теперь были не на его стороне, и всё как-то так развернулось, что пока Саша проигрывал.

- Нет, не похитить. - Спокойно ответил он Маше, но увидел, что аргумент не очень убедителен, и вздохнул. - Я не тупой, Маш! И то, что пока я делаю глупости - это просто так складываются обстоятельства. Мне бы и в голову не пришло похищать её: я хочу, чтобы она полю-

била меня, как раньше, а не просто была рядом. Ты представила себя на её месте, и поняла. А теперь представь себя на моём, и тоже пойми.

Маша вздохнула. Задумалась, явно пытаясь поставить себя на место Майского. Кивнула, вновь вздыхая.

Оба были правы: и Дарина, и Сашка. По-своему правы, каждый со своей стороны. А вот как сделать, чтобы Даринка на сторону Майского перешла, Маша пока не знала, но уже чувствовала уверенность, что просто так ситуацию не оставит. С Майским у неё получилось настолько некрасиво, что теперь девушка отчаянно хотела загладить свою вину и стать для Саши настоящим надёжным другом.

- Рассказывай, при чём тут я, - потребовал Богдан, догадываясь, что идея будет бредовой и провальной, но помочь несчастному влюблённому всё равно придётся.

12

/Даринка/

Мы договорились встретиться у больницы. Саша как-то вызнал мой номер и позвонил, чем немало напугал. Настоящий помешанный псих! Не удивлюсь, если у него есть и адрес моего проживания, и вот-вот мастер отточит ему дубликаты ключей от квартиры моих родителей.

После того, как меня удивила смс-ка от Саши, я поражалась тому, что он больше ничего не пишет. Только краткое: "Дарин, это Майский. С тебя должок, помнишь? Встретимся в полдень у больницы, где ты лежала?" Я ответила "Ок", и больше от парня не было ни строчки. Выдержанный маньяк, хоть сообщениями не достаёт, и то хорошо. Да и вообще, мысленно пришлось поставить парню плюсики: он оказался грамотный, а это я всегда ценила в людях.

Итак, я стояла около крыльца, и машину, из которой вышел Саша, заметила сразу, но деланно не обратила внимания, чтобы он не думал, что я стою и выглядываю его в толпе.

Походка у него была лёгкая, на лице полуулыбка, в руках абсолютное отсутствие заискивающих букетов или иных презентов. Это парень молодец, мы тут не на свидание собираемся, а просто я хочу отдать ему должок.

Майский неторопливо шёл ко мне, будто нарочно не спешил, имея сейчас возможность разглядывать меня сколько угодно и как угодно пристально. Я же продолжала деланно не замечать парня, и повернулась к нему лишь, когда он остановился в шаге от меня.

- Ну привет, - поздоровалась первая, невольно отмечая, что улыбка у парня красивая, да и глаза, как ни крути, удивительные.

- Здравствуй, Дарин, - ответил он, неотрывно глядя на меня.

Светило солнышко, и я подумала о том, что сейчас не только Майский, но и я весьма красива. Не зря столько красилась и завивала волосы, чтобы легли нежными локонами. В лучах солнца мои светлые волосы всегда выгодно смотрелись, а уж с сегодняшней причёской я и вовсе чувствовала себя на высоте. Не знаю, зачем. Наверно, в глубине души мне льстило, что парень влюбился в меня, совершенно не зная. Глупое чувство, неправильное... Пожалеть его надо и отвадить, а не поощрять болезненную привязанность. Но...

Боже, какие у него глаза! От солнца зрачки уменьшились, радужками стало ещё удобнее любоваться! Зелёные, завораживающие...

Стало как-то неудобно, когда подумала, что я тут прихорашивалась, а он пришёл просто, не особо парясь, а выглядел всё равно красивым. В простой рубашке и повседневных серых джинсах.

- Я сегодня собиралась в гости, - объяснила ему свой безупречный внешний вид, радуясь, что хоть передумала натянуть платье, и сейчас хотя бы одежда моя не кричала о том, что к встрече я готовилась. - Так что давай быстрее!

- Хорошо, - улыбнулся парень, тут же став ещё более обаятельным. Он кивнул в сторону своей машины: - Поехали, я кое-что покажу тебе и кое с кем познакомлю, - загадочно предложил мне этот неадекват. - Тут недалеко. В универе, где ты учишься. Людно. В черте города. Прилично. Всё, как ты просила. Пойдём, у меня тачка тут рядом...

Ого! Этот маньяк ещё и вызнал, где я учусь! Дело начинает приобретать зловещий оборот...

- Не сяду я с тобой в твою тачку, чувак! - воскликнула я, возмущённая подобным предложением. - Ты слышишь себя вообще? Мы так не договаривались! Посадишь и увезёшь невесту куда!

Саша почесал затылок растерянно, но быстро предложил выход, правда, ещё более дурацкий:

- Тогда я вызову такси!

- Да не сяду я с тобой в такси! - уже откровенно рассмеялась я. - Мало ли, что ты там подстроишь: пришлешь сообщника или ещё что! Ты ж совсем неадекват!

Последнее я сказала с сожалением, мысленно добавив: "Такой красивый, но совсем неадекват..."

- Ладно. - Сжав зубы, процедил Майский. - Давай тогда поедем на автобусе. Всё, как ты любишь: людно, в черте города и прилично.

Тут возражать было уже нечего, и потому я пожала плечами и посмотрела на экран смартфона, набирая Лёне смс о том, куда я еду. А что? Уговора о тайне не было! Отправив смс, я ещё несколько минут смотрела на экран в надежде, что Лёнька мне ответит и вовремя спасёт от навязчивого парня. Вовремя - это чтобы и засчиталось, что обещание сдержано, но и никуда толком ехать не пришлось. Но Лёнька не отвечал, и потому, вздохнув, подняла взгляд, встречаясь с зелёными глазами, смотрящими на меня по-прежнему с мирным любованием без намёка на похоть. Может, он всё же не маньяк?..

Я вздохнула. Его глаза действовали на меня гипнотически, и я не могла оторвать от них взгляда, такими красивыми и выразительными они были.

- Хорошо. - Кивнула я. - В универ могу съездить. На автобусе.

- Отлично! – Саша протянул мне руку, и я фыркнула:

- Обещал, что и пальцем не тронешь, - напомнила ему наш уговор.

- Не вопрос, - сдаваясь, показал он мне открытые ладони, подняв вверх руки.

Мы побрели к остановке, на которой сейчас было совсем мало народу. Вообще, в будний день днём город мне нравился своим простором. Когда народу мало, улицы кажутся значительно шире, дышится легче, и на душе от этого светлее.

Мы шли, и я искоса посматривала на Сашу, который вообще всё время нагло таращился на меня, явно любуясь, а также намереваясь смутить и привлечь внимание, но я упорно делала вид, что не замечаю этого пристального взгляда, однако улыбка начала непрошено появляться на моём лице, и в итоге я опустила голову, тихо засмеявшись.

- Признаться, ты заинтриговал. – Скрывая смущение, начала разговор я. - Зачем нам в универ?

Майский загадочно молчал, нагоняя интригу и вынуждая меня взглянуть ему в лицо. Только после зрительного контакта парень спокойно ответил:

- Там мы зайдём к одному человеку. На кафедре химии он у вас. Препад.

Хм... Странный выбор. И довольно бездарная трата моего обещания: поехать в универ к какому-то преподу. Я ведь приеду – обещание выполнено. И почти сразу свалю, даже, может, не успев познакомиться с этим его химиком.

- Твой друг? – с опаской уточнила я.

- Ну, как тебе сказать... - отчего-то замялся Саша, отводя взгляд, но всё же через какое-то время отвечая более подробно: - Не то, чтобы друг.... Но, наверно, да, друг... - Давал противоречивые сведения Майский. - Я вообще с ним недавно познакомился.... Когда он увёл мою девушку...

- Для такого, как ты, это, в общем-то, не самый странный повод завести дружбу, - честно призналась я.

Приподняв брови, выразительно посмотрела на парня, пытаюсь понять, он вменяем вообще или нет? Зачем нам ехать к преподу по химии в мой универ, если этот чувак не друг ни мне, ни Саше?

Под моим взглядом Майский смутился и улыбнулся застенчиво и чертовски мило. Он, кажется, тоже находил ситуацию странной. Но страшно мне пока не было: универ и правда людное место, особенно в такое время. Доедем, а там посмотрим, что делать.

- Дарин, это и правда звучит странно. – Признался Саша. - Но... То, что я хочу рассказать тебе.. И что расскажет тебе препод... В общем... - Он вздохнул так устало, словно формулирование мыслей давалось ему с большим трудом. - Я боюсь, ты неверишь мне и не воспримешь мои слова всерьёз, а вместе с ним мы расскажем тебе удивительную историю!

- Да? – скептически переспросила я. – Уже не хочу её знать. Но поехали, раз уж я согласилась...

Признаться, о том, что согласилась, я пока не жалела. Весь тот бред, что мне приходилось выслушивать от Саши, одновременно пугал, настораживал, но и интриговал.

13

По дороге к остановке мы проходили мимо цветочного магазина, из которого выходила женщина в светлом, но одновременно ярком летнем наряде: цвета её костюма были нежными, но такими радующими глаз, что казались яркими на фоне одежды других людей.

Женщина активно прощалась с продавщицей, что оставалась в магазине, и по их разговору я поняла, что у них пересменка.

Хм, наверно, Саша купил мне цветы именно тут... Те, которые притащил в больницу...

Это было мимолётной мыслью, какие часто приходят в голову, если не хочется ни о чём вообще думать.

Продавщица цветочного магазина как раз тоже шла на остановку, когда ей на глаза попались мы. Саша поздоровался, очевидно, машинально: часто бывает, что видишь знакомое лицо, каким-то случайным образом впечатавшееся в память, и здороваешься, хотя совершенно точно знаешь, что человек тебя не узнает.

Но женщина Майского узнала и обрадовалась, глядя на нас восторженным взглядом. Есть такие люди, которым мало надо, чтобы выглядеть такими счастливыми, как сейчас эта женщина.

- О, здравствуй! – поприветствовала она Сашу, помахав ему рукой и подойдя ближе, как к старому знакомому.

Может, я ошиблась, и они давние друзья или дальние родственники?

Пришлось остановиться и обернуться на продавщицу.

- Девушка твоя? – спросила женщина у Саши с интересом, глянув на меня лукаво.

- Вроде того, - ответил Майский, и я вздохнула: видно, судьба у меня такая, вечно быть чьей-то девушкой без моего ведома.

- Это прекрасно! – восхитилась собеседница, поглядывая за наши спины, на дорогу, не едет ли нужный автобус. – С девушками – это правильней всё-таки. Сложнее, наверно, для тебя, но правильней.

Саша кивнул, а я уставилась на него удивлённо. О чём эта женщина говорила? Чего я ещё не знаю про этого парня?

К счастью разговор прервался, поскольку автобус всё же показался на горизонте, и женщина поспешила к нему.

- Так, - сложив руки на груди, поинтересовалась я. - Ну и что это было?

Майский посмотрел вслед отъезжающему с продавщицей автобусу как-то злобно, а потом перевёл взгляд на меня и улыбнулся:

- Спутала с кем-то. Бывает. Пошли! - он сделал несколько шагов по направлению остановки, но, заметив, что я стою на месте, тоже замер.

- Слушай ты, Майский! - возмутилась я. - Ты что, до меня ещё кого-то преследовал? Парня какого-то, да?

- Нет. - Не оборачиваясь, бросил Саша.

- Тогда что? - начала злиться я. - О чём эта тётка говорила?

Майский развернулся и шагнул обратно ко мне, глупо улыбаясь.

- Тебе правду сказать? - спросил он так насмешливо, что я подумала было отказаться, но всё же любопытство взяло верх, и я кивнула, совершенно не ожидая такого ответа, какой услышала: - Я покупал у неё цветы для Лёни.

Саша сказал это, глядя мне в глаза, и я могла поклясться, что эти зелёные омуты не вращались.

- Моему парню ты дарил цветы? - переспросила я.

- Да, - подтвердил Майский, улыбаясь ещё шире, а через секунду и вовсе прыснул от смеха: - Я понимаю, что звучит странно. И эта тётка тоже решила, что звучит странно, и подумала невесть что. Но я просто принёс Лёне букет. Не ревнуй меня к нему, хорошо?

Он продолжал смеяться, вгоняя меня в ещё большее замешательство, и я приблизилась к нему, встала на носочки и принялась. Парень прекратил ржать и теперь внимательно следил за мной, причём делал это с таким удовольствием, словно ожидал, что я его сейчас поцелую. Уверена, этот наглец при таком весёлом настроении точно воспользовался бы ситуацией и подарил мне очередной отвратительный поцелуй, но обещание и пальцем меня не трогать пока работало отменно.

- Ты что-то употреблял, да? - догадалась я. - Никогда не видела наркоманов, не умею выделять их в толпе...

- Я нормальный, - обиделся Майский. - Ты хотела правду - я тебе сказал. Предупредил даже, что она прозвучит так себе. Что опять не так?

Он наклонился ко мне, и от моего кончика носа до его теперь оставались считанные миллиметры, которые ни он, ни я преодолевать не собирались, но у обоих участилось сердцебиение.

- Ты зачем цветы Лёне покупал? - прошептала я, смущаясь того, что парень чувствует моё дыхание так же отлично, как я ощущаю его.

- Меня моя девушка попросила это сделать. Бывшая. Которая была до тебя, - ответил Саша, и я резко отступила назад, гневно сверкнув глазами.

- Вот ведь заладил! Не девушка я тебе! - возмутилась в который раз.

- Да, знаю, тебя бесит, когда кто-то так считает, да? И особенно, когда так считает Лёня, так?

Я фыркнула, злясь на то, что этот тип попал в точку. Пошла к остановке быстрыми шагами, хоть нашего автобуса не было и в помине. Но мне нужно было закончить это всё как можно скорее.

Шла и думала о том, что только что узнала. Ира Истомина была Сашиней девушкой и попросила его купить Лёне цветы... Это ладно, это ещё как-то бьётся с прежними странными фактами, ведь Ира просиживала рядом с Лёней подолгу, гитару потом передала... Типа любила его... Так что то, что она попросила своего парня принести цветы - это ладно. Но Саша говорил, мы едем к преподу, который увёл у него девушку, то есть, к Ириному новому парню... Хм... Странно. Не похоже на Иру. Хотя, я ведь её не знаю, а первое впечатление может обмануть.

Ничего не понимая, я решила гордо молчать до самой кафедры химии.

14

Преподаватель обнаружился в аудитории, где сидел за своим столом и что-то делал на ноутбуке. Лично мне вдруг стало неловко отвлекать его: вдруг, он и с Сашей-то не знаком... или Саша сейчас вычудит что-то такое, за что потом мне придётся молиться, чтобы этот парень не попался мне в преподаватели до конца обучения.

Но парень оторвался от ноутбука и поднял на нас взгляд, мигом расплываясь в белоснежной улыбке. Фух, кажется, он рад Майскому. И то хорошо. А то не хватало, чтобы Саша притащил меня на разборки с парнем, что увёл его девушку. А что? Это было бы в стиле этого маньяка: продемонстрировать, что будет с Лёней, если он не оставит меня.

Преподаватель поднялся со своего места и посмотрел на нас как-то странно, но не враждебно, а потом остановил взгляд на мне и стал так откровенно разглядывать, что мне стало не по себе. Так на тех, кого первый раз видят, не пялятся хотя бы из вежливости. Впрочем, взгляд был не похотливый, так что мерзко от него не было, а вот пугал он знатно!

Парень показался мне идеально подходящим на это место: в очках с тонкой оправой, с забранными назад в хвост светлыми волосами, красивыми и правильными чертами лица. Как будто, он преподаватель не из реальной жизни, а из какого-то кино. По крайней мере, лично мне в жизни такие красавцы-ботаники никогда не встречались.

Я решила тоже разглядывать его, раз он так нагло пялится на меня уже больше пяти минут.

- Это Богдан, - представил мне преподавателя Саша. – Он тебе никого не напоминает?

И оба уставились на меня так, что я опешила. Кого мне может напоминать этот парень у доски? Вообще, было в его чертах что-то знакомое. Может, случайно видела его в универе или встречала по дороге на учёбу... Но ребята явно имели в виду что-то другое, раз так смотрели на меня.

- Актёра? – предположила я. – Не помню, правда, какого именно... Но хорошего! - поспешно добавила, не желая обидеть миловидного паренька.

- Неплохо, - улыбнулся в ответ Богдан, чуть смущаясь. – Но мы не об этом. Скажи, ты видела меня прежде?

Это был первый вопрос, заданный этим парнем, и задан он был как-то профессионально: спокойно, но строго и так, что не терпел молчания в ответ. Ощутила себя двоечницей и переглянулась с Сашей в надежде, что он, словно на уроке, даст мне подсказку. Но он тоже предательски ждал ответа.

Я оперлась бедром о край кафедры и пожала плечами:

- Ну, не знаю точно. Может, и видела. Я учусь здесь, а вы преподаёте... Я могла видеть вас сотню раз...

- Давай на «ты», - попросил парень, и я кивнула, хоть это и было странно: переходить на «ты» так сразу, тем более с тем, кто может потом вести у меня лекции. – Мы имели в виду, не видела ли ты меня где-то... ну, во сне, например... пока лежала в больнице?

Сложив руки на груди, посмотрела на Сашу гневно: он притащил меня к такому же психу, как он сам! А я ещё зачем-то пошла с ним!

Какой-то студент сунулся в дверь, но Богдан жестом попросил не беспокоить, и молодой человек быстро ретировался.

Так. Дверь не заперта, и я могу сбежать в любой момент... Но зачем мне любой, если можно сбежать прямо сейчас?

- Ладно, ребят, вы клёвые, но мне в деканат пора, - попыталась соскочить с темы я, начиная отступать назад, но Саша преградил мне путь, отчего стало как-то не по себе.

Двое сумасшедших и я в пустой аудитории, и хоть универ полон народу, здесь всегда гудят студенты, и потому тишины, в которой кто-то услышит мои крики, тут просто нет.

- Я хочу уйти! – повысила голос я, поворачиваясь к Саше. – Я не знаю, что с вами происходит, но вы реально двинутые! Не удивительно, что Ирка запала на одного, потом на другого - ей, видать, такие припыленные как раз по душе! - и я удержалась, чтобы не добавить про занудного Лёньку, который тоже был странным выбором. Но напомнила себе, что Сыроежкин теперь мой парень, и потому промолчала.

- Ира? - переспросил Богдан, и я смекнула, что чего-то опять не понимаю, но вдаваться в подробности совсем не хотелось.

Едва я шагнула в сторону, чтобы обойти Майского, как он снова загородил мне путь собой. Мы принялись испепелять друг друга взглядами, но это молчаливое противостояние длилось недолго.

- Пстой! – окликнул меня Богдан и протянул какой-то конверт, что до этого неприметно лежал на столе.

Я покосилась на протянутый конверт с недоверием и презрительно фыркнула:

- Вот ещё! Не стану я его трогать! Мало ли, что в нём!

Сердце чуяло подставу. Слышала немало страшилок про то, как молодые (и не только) препода принуждают студентов быть с ними, но никогда не думала, что это может коснуться меня. Тем более не думала, что это будет незнакомый препод, и он выберет весьма странный способ добраться до меня. И в этом конверте могло лежать, что угодно - например, те же наркотики, в употреблении которых я подозревала этих двоих.

Кто эти люди и что им надо от меня, было по-прежнему не ясно, но воображение уже запугивало, рисуя безрадостные перспективы.

- Ладно. Смотри, - Богдан самолично открыл конверт и выудил из него несколько бумажных фотографий.

Отбросив пустой конверт к рабочему ноутбуку, он принялся раскладывать фотографии на столе, но оттуда, где стояла я, мне было не видно, что на них изображено. Глянула на Майского: тот выглядел растеряннo и казался каким-то напуганным, так что я вообще не понимала, что мне делать, если даже у него вдруг стало такое состояние.

Он нервно сглотнул и натянуто улыбнулся уголками губ, кивком приглашая подойти и посмотреть снимки. Гнетущая тишина, воцарившаяся в аудитории, контрастировала с шумным коридором, и всё это резко начало давить на меня.

Я нерешительно шагнула к столу, оставаясь на расстоянии от него, словно он мог быть опасен. Теперь я могла привстать на носочки и тогда отлично увидеть, что же запечатлено на фотографиях.

В первый миг не поверила своим глазам. Не поверила настолько, что пришлось сделать ещё шаг вперёд и склониться над снимками, пытаясь заметить хоть что-то, что доказывало бы, что это фотошоп. Конечно, это было ясно мне и без доказательств, поскольку таких фотографий просто не могло быть, ведь на них я обнимала Сашу, мы смеялись и выглядели счастливыми... Да ещё и в каком-то странном зале с роскошными порттьерами... И снимки сами были почему-то чёрно-белыми, словно не из нашего времени...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.